

ВАСИЛИЙ ЕРШОВ

ИЩЕЙКИ

Василий Ершов

Ищейки

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Ершов В. Н.

Ищейки / В. Н. Ершов — «У Никитских ворот», 2020

ISBN 978-5-00170-085-2

После некоего катаклизма 9 % человеческого населения Земли обрели магические способности, и процесс ещё не завершён: то тут, то там появляются загадочные «новы» – волшебники со стихийным, неконтролируемым даром. Что с ними делать? Находить и обезвреживать. Этим-то и занимаются агенты Поиска Магических Аномалий, в народе прозванные ищейками. Язвительная ведьма Энвер и неунывающий чародей Кристоф делают свою работу, не забывая обмениваться колкостями и попадать в неприятности.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00170-085-2

© Ершов В. Н., 2020
© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Фокусы	11
Часть вторая. Удар молнии	44
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Пролог

Было далеко за полночь, когда Бертран Хоуп покинул мастерскую-лабораторию, оборудованную в подвале его недавно выстроенного дома. Заперев на ключ крепкую стальную дверь, Хоуп со свечой в руке поднялся по крутой лестнице на первый этаж. Здесь, в дальнем конце коридора, им была заперта ещё одна дверь, ограждавшая подвал от набегов любопытной детворы. Зевая и потирая тяжелеющие веки, мужчина проследовал в туалетную комнату, где справил малую нужду и умылся. «Роскошно выглядишь, Берт, – сообщило отражение в зеркале. – Завязывай работать по ночам». Согласно кивнув, Бертран покинул уборную, взойшёл на второй этаж и на цыпочках прокрался в детскую, где поцеловал сына и дочку. Мальчик не шелохнулся, его сестрёнка улыбнулась сквозь сон. Удовлетворившись мирным видом спящих, глава семьи добрался наконец до своей комнаты; там он сбросил рабочую одежду, влез в пижаму, задул свечу и осторожно, дабы не разбудить супругу, забрался под одеяло. «Доброй ночи, Мег», – шепнул Бертран и уже через минуту крепко спал.

Его разбудила боль. Черепная коробка уподобилась печи, в которой усердно раздували угли. Внутренности скрутило узлом, тошнота подступила к горлу, тело колотил озноб. Стиснув зубы и сдержав стон, Бертран попытался встать и чуть не свалился с кровати. Руки тряслись, зажечь спичку удалось только с четвёртой попытки. «Что со мной? Неужели отравился в лаборатории? Нет, вздор! Ничего особенного я сегодня не делал». Хозяин дома добрался до комода и начал шарить по ящикам в поисках коробки с медикаментами.

– Что-то случилось, дорогой? – прозвучал заспанный голос жены. – Простыня на твоей стороне мокрая.

– Н-ничего, М-мег, – отозвался Хоуп, стуча зубами. – Просто м-мутит н-н-немного. Н-наверное, п-простудился.

Позывы к тошноте усилились, и мужчина понял, что найти лекарство не успеет. Из всех сил стискивая потными пальцами рукоять подсвечника, Хоуп побрёл прочь. «Только бы дотянуть до туалета. Не хватало ещё, чтоб меня вывернуло прямо на пол!» Он шёл на ватных ногах, шатаясь и прислоняясь то к одной стене, то к другой. Спуск по лестнице дался с невероятным трудом, спасали только перила. Наконец цель была достигнута: Хоуп ввалился в уборную, бросил подсвечник на тумбочку у зеркала и рухнул на колени. В глазах потемнело, стало трудно дышать. Вполовину ослепший, задыхающийся Хоуп стал хвататься за всё подряд: обрвал полотенце с крючка, своротил табурет с тазиком для мытья ног. Тазик запрыгал по полу, звеня боками. А с мужчиной происходило что-то странное. Это не было похоже на симптомы известных Бертрану вирусных заболеваний: тошнота внезапно отступила, комок в горле как будто всасывался в стенки пищевода, отчего и перехватило дыхание; жар в голове поглощался костями черепа, превращаясь в покалывание; мозг точно сделался полостью, пустым местом; глаза, по ощущениям, выворачивались наизнанку; от желудка, всё ещё терзаемого спазмом, по всему телу вдруг стало разливаться благодное тепло. Хоуп поднял руку: простое движение далось одновременно и трудно, и легко – словно конечность вместо мышц пронизывали канаты, натянутые и уходящие в необозримые дали. «Безумие! Я что, умираю?!» Нет, это не было похоже на агонию. Адская боль сменялась мощнейшей эйфорией – неуправляемой и оттого пугающей. Человек переставал принадлежать себе, наполнялся чем-то могущественным. Становился силой. Она буквально распирала его изнутри.

– Ты здесь, Берт? Я принесла аспирин и воду. Скажи, если нужно что-то другое. Я не зна...

Миссис Хоуп, вошедшая в уборную, смолкла на полуслове. Бертран сумел разглядеть в её руках свечу и стакан с водой.

– Берт!

Женщина бросилась к мужу, скорчившемуся на полу, но тот остановил её коротким судорожным жестом. Хозяин дома уже чувствовал приближение чего-то неотвратимого.

– Не подходи!

– Что... Что происходит, Берт? – в её голосе слышалась тревога. – Что мне делать?

В этот момент стакан, который держала Мег, лопнул, забрызгав женщину водой и осыпав осколками. Миссис Хоуп взвизгнула от испуга и едва не выронила свою свечу. Через пару секунд громко треснуло зеркало над раковиной. От стены оторвалась полка с туалетными принадлежностями. Она грохнулась на пол и наделала шума, напугав хозяйку ещё больше. Но что самое страшное – пол под ногами начал мелко дрожать, а по стенам с жутким сухим хрустом поползли трещины.

– Что это, Берт?! Мне страшно! – в глазах супруги блеснули слёзы.

– Я не знаю, Мег, – прошептал Хоуп, сдавив ладонями виски. Ему показалось, что тремор, охвативший его конечности, голову и тело, вошёл в резонанс с конструкциями дома и породил губительные вибрации. Зеркало треснуло ещё раз; большой кусок отражающего стекла вывалился из рамы и разлетелся серебряным фейерверком, ударившись о раковину. Продолжали сыпаться вещи с полок и крючьев. Детская скамейка-приступочка, стоявшая в углу, сломалась пополам. Подсвечник опасно приблизился к краю своего ненадёжного поста-мента. Число разрушений увеличивалось каскадом. Мег заслонила лицо руками, заплакала.

– Господи... Берт! Что это такое?!

– Уходи... Мег. Хватай детей... и уходи.

– Что?

Хоуп взглянул на жену с тоской, повторил умоляюще:

– Уходи. Беги отсюда. Спасай себя и детей.

– Нет... Нет, Берт! Я не брошу тебя!

Мег подалась было вперёд, чтобы помочь мужу подняться. Но тот наотмашь ударил кулаком в пол (осколки зеркала впились в кожу) и заорал:

– Беги! Хватай детей и беги! Ну же!

«Только бы не успела рухнуть лестница!»

Женщина сдавленно всхлипнула, но подчинилась. Бросив на мужа взгляд, полный боли, она исчезла из дверного проёма, который уже начал перекашиваться. Бертран остался сидеть среди обломков и осколков, переполненный неизведанным, необъяснимым чувством. Пол уже ходил ходуном, с потолка сыпались щепки и пыль, волны разрушения распространялись по дому. А мистер Хоуп со странной безучастностью прикидывал, сколько секунд осталось до того, как ужасная сила доберётся до подвала. До мастерской-лаборатории, где хранилось шесть бутылок нитроглицерина...

Меган с детьми успели пробежать сотню ярдов, когда за их спинами прогремел взрыв. Хоуп Хаус взлетел на воздух.

С наступлением утра, холодного и пасмурного, успевшее остыть пепелище заполнилось людьми. Сотрудники пожарной службы, полицейские и добровольцы из числа местных жителей разбирали обломки в надежде отыскать что-то, что могло бы пролить ещё немного света на события прошлой ночи. Полтора десятка человек копошились в образовавшейся на месте дома воронке, выбрасывая оттуда чёрные обломки досок и кирпичей. Чуть поодаль, вне досягаемости вылетающего со дна воронки обугленного мусора, стояли двое. Они выделялись тем, что были одеты в чистую, с иголки, одежду полувоенного покроя, контрастирующую с невзрачными робами пожарников и аскетичной униформой полицейских.

– Что скажете, Гэррит? – спросил тот, что выглядел представительней.

– Скажу, что картина теперь ясна, господин генерал, – с готовностью ответил второй. – Полисменам наконец удалось допросить вдову Хоуп и получить вразумительные показания. Вне всякого сомнения, это была магия.

– Точно?

– Да, сэр. Нам удалось уловить остаточный след энергетических возмущений.

– То есть женщина всё-таки является очагом магической аномалии.

– Отнюдь, господин генерал. Очагом аномалии был её муж. По словам женщины, главе семейства среди ночи сделалось плохо, он стал вести себя неадекватно, а потом начали происходить ужасные и необъяснимые, с её точки зрения, вещи. Я склоняюсь к мысли, что мужчина стал источником деструктивного излучения психокинетической природы, – по крайней мере имеющиеся улики позволяют сделать такой вывод. Миссис Хоуп успела покинуть опасное место и увести детей. Её муж, как вам известно, погиб.

– Характер разрушений говорит о взрыве.

– Взрыв лишь довершил уничтожение. Мистер Хоуп был фармацевтом и держал аптечный пункт на первом этаже. Скорее всего, аномалия привела к детонации каких-нибудь реактивов, хранившихся в подвале. Без них последствия были бы менее впечатляющими.

– А итог всё равно один, – вздохнул представительный.

– Что, простите?

– Я говорю: итог всегда один. И с этим надо что-то делать... Знаете, Гэррит, неделю тому назад в местечке под названием Уэстбрук произошёл примечательный инцидент. Один пейзажист узнал, что супруга наставляет ему рога с соседом, и при первой же встрече прикончил злосчастного любовника. Да как прикончил! Говорят, земля под ногами бедолаги разверзлась, поглотила его и тут же сомкнулась. Свидетелями происшествия стали многие – потому не приходится сомневаться в подлинности истории. Убийцу попытались задержать, и, прежде чем он был оглушён, в землю были затянуты ещё двое. Этих удалось спасти.

– Земля обычно не расступается сама по себе, – усмехнулся Гэррит.

– Очевидно. Убийца являлся магической аномалией, человеком, стихийно получившим Силу. Рогоносцу из Уэстбрука не хватило ума сдержаться и скрыть свой дар. Тем самым он оказал нам неоценимую услугу. Но если бы он был умнее? Если бы ему досталось не выкапывание ям, а что-то посерьёзней? Что-то вроде психокинеза, за пару минут развалившего крепкий дом? Нам очень повезло, что аптекарь Хоуп не смог обуздать свой дар и всё вылилось в несчастный случай.

– Не сгущаете ли вы краски, господин генерал? – Гэррит с сомнением покачал головой. – У меня есть некоторый опыт работы с магами-аномалиями. Ручаюсь, они не способны справиться даже с рядовым волшебником гражданской специальности.

– Значит, по-вашему, ничего не надо делать?

– Э-э... Я не понимаю...

– Что вы видите, Гэррит? – генерал величественным жестом указал куда-то в пространство. Офицер наткнулся взглядом на уже знакомое пепелище.

– Руины, сэр.

– Вот именно! Здесь кругом одни руины! Война закончилась всего несколько лет назад, мир только начал возвращаться к нормальной жизни. Баланс, которого мы добились, ещё слишком хрупок. А эти стихийные маги (для которых, кстати, в Академии придумали термин «нова») ставят наши достижения под угрозу. Они уже начинают учиться, Гэррит. Их появляется много, и пока что они слабы. Знакомый расклад?

Гэррит неуверенно кивнул. Генерал продолжил:

– Их много, и они слабы. Но так будет не всегда, вы знаете это не хуже меня. Они станут сильнее, смогут контролировать свой дар. И тогда станут новым полюсом Силы. Непредсказу-

емым полюсом. А что дальше, мой дорогой друг? Новый раскол? Новая Война? Человечеству дорого обошлась победа над тёмными. Второй такой катастрофы нам не пережить. Тессел!

За спиной генерала бесшумно выросла человеческая фигура.

– Я здесь, Ваша Светлость.

Генерал не удостоил доложившего взглядом.

– Скажи на почтовую станцию. Подготовь и отправь в столицу депешу с литерой «весьма срочно». Содержание следующее: «Иницирую внеочередное заседание Конвента. Проблема людей, стихийно обретающих контроль над Силой, назрела и требует безотлагательного решения. Ждите меня в течение десяти дней. Подпись: генерал-инспектор Кейнет Глостер. Личный код: IDN-335». Адресат тебе известен. Отправляйся немедленно!

– Слушаюсь, Ваша Светлость, – востовой раболепно поклонился и ушёл. Гэррит с любопытством посмотрел ему вслед. «Интересно, имеет ли он отношение к знаменитому тёмному клану Ван Тессел?» – подумал офицер, но постеснялся спросить об этом генерала. Тот смотрел куда-то вдаль, преисполненный чувством собственной значимости.

– Магия, мой дорогой друг, вещь слишком могущественная и опасная, чтобы существовать без должного контроля. Нам слишком хорошо известно, что произойдёт, если она окажется не в тех руках. Отмахнуться от проблемы стихийных волшебников не выйдет. Надо что-то решать. Да! – генерал-инспектор Глостер ещё раз кивнул самому себе. – С этим надо что-то делать. Сейчас же!

Из Эдикта «Об ограничении и контроле магических способностей»

1.1 Всякое применение магии лицами, природа сил которых определена как «тёмная», строжайше запрещено. Любое нарушение установленного закона карается арестом, временной блокадой магических способностей и расследованием с последующим вынесением приговора Высоким Трибуналом.

Поправка 1. Любым физическим лицам, природа сил которых определена как «тёмная», желающим использовать вышеуказанные силы в быту и исключительно в мирных целях, надлежит обратиться в установленном порядке в специальную комиссию Конвента по рассмотрению заявлений на разрешение колдовства. Каждое заявление будет рассмотрено; комиссия оставляет за собой право выдачи или отказа в выдаче разрешений на колдовство лицам без объяснения причин, приведших к определённому решению означенной комиссии.

Поправка 2. Действие **Пункта 1 Параграфа 1 Эдикта «Об ограничении...»** (далее – Эдикта), а также **Поправки 1 к Параграфу 1 Пункту 1** не распространяется на тёмных магов, являющихся сотрудниками Конвента, либо подчинённых ему структур, а также тёмных магов, официально и в долгосрочной перспективе сотрудничающих с Конвентом либо с подчинёнными ему структурами.

1.2 Всякое применение лицами потенциально опасной для магического или немагического сообщества либо несущей прямую угрозу магии, природа которой определена как «тёмная», строжайше запрещено. Любое нарушение установленного закона карается немедленным лишением магических сил на месте, арестом и расследованием с последующим вынесением приговора Высоким Трибуналом. В случае неправомерного использования тёмной магии, нанёсшей телесные либо психические повреждения физическим лицам либо повлёкшей за собой смерть одного или нескольких физических лиц, Высоким Трибуналом выносятся приговор – смертная казнь.

Поправка 3. Если применение физическим лицом магии, природа которой определена как «тёмная», привело к особо тяжким последствиям, не имеющим прецедента, действие **Параграфа 1 Пункта 1 Эдикта** частично или полностью распространяется на ближайших родственников нарушителя. Степень ответственности вышеупомянутых родственников – лиц,

не участвующих в правонарушении либо участвующих косвенно, – определяется в установленном порядке Высоким Трибуналом.

Поправка 4. Действие **Пункта 2 Параграфа 1 Эдикта**, а также **Поправки 3 к Пункту 2 Параграфа 1** не распространяется на тёмных магов:

– являющихся штатными сотрудниками силовых и правоохранительных структур и подразделений, подчинённых Конвенту либо Высокому Трибуналу;

– имеющих карт-бланш на применение боевой тёмной магии всех порядков в тех случаях, когда её применение необходимо для восстановления правопорядка и нейтрализации угроз обществу.

Поправка 5 (секретная). **Поправка 4 к Пункту 2 Параграфа 1 Эдикта** не отменяет тайного наблюдения за тёмными магами, подпадающими под действие данной Поправки. Конвент оставляет за светлыми магами, осуществляющими тайное наблюдение, право осуществлять контроль тёмных магов, являющихся сотрудниками структур и подразделений, указанных в **Поправке 4**. Действие **Поправки 4 к Пункту 2 Параграфа 1** может быть отменено магом-наблюдателем на месте, если таковое действие будет сочтено необходимым.

Часть первая. Фокусы

Небольшой, ничем не примечательный городок Сэндвилл ютился на самой границе обширной пустоши, почему-то именуемой Великими Прериями. Рядовой посёлок, некогда выросший ещё при прокладке через эти места железной дороги, а теперь медленно хиреющий, так как единственными богатствами окрестных земель были красный песок и палящее солнце. Правда, к северо-востоку имелось несколько ранчо, где разводили бизонов и мустангов; но фермеры – люди, в большинстве своём замкнутые и вдобавок вечно загруженные тяжким тру-

дом, – появлялись в Сэндвилле редко, в основном по делам. Вечно сонные, будто замершие в дрожащем мареве будни разбавлялись только проходящими через городскую станцию поездами. Поезда шли вглубь пустыни и дальше, в горы – к золотым приискам. Пассажиры поездов – переселенцы, авантюристы, искатели сокровищ – весьма охотно брали местную выпивку во время стоянок и были не прочь занять себя нехитрыми развлечениями, которые сулил этот островок цивилизации. Неудивительно, что значительная часть населения, неуклонно тающего с каждым годом, зарабатывала на жизнь обеспечением путешественников относительно комфортным отдыхом и досугом.

Локомотив, оглушительно свистнув, остановился и облегчённо выдохнул паром. Начали открываться двери вагонов, по вытоптанной земле (перрона не было отродясь) застучали каблуки утомлённых дорогой пассажиров. Из последнего вагона выгрузились двое – долговязый худой парень и некрасивая, мрачного вида девушка. Их одежда не отличалась ни разнообразием, ни изысканностью: одинаковые кожаные сапоги, одинаковые штаны, одинаковые клетчатые рубашки и одинаковые жилетки, оттенком и текстурой напоминавшие старую глину. На плечах – запылённые дорожные плащи. В руке у девушки – выдавшая виды кожаная сумка; у парня за спиной – потёртый походный рюкзак. На головах – широкополые шляпы: у парня – цвета кофе с молоком, у девушки – цвета вороньих перьев. Новоприбывшие, разминая затёкшие от долгого сидения конечности, осмотрели станцию.

– Очередная дыра, – скептически констатировала девушка.

Парень хмыкнул:

– Пойдём поищем в этой «дыре» гостиницу, мотель или какой-никакой салун. Скинем багаж, потом наведаемся к местному «дырявому» начальству... Почему ты каждое новое местечко обзываешь дырой?

– Дыра – она дыра и есть, спорить нечего, – отрубилa девушка.

Парочка миновала будку билетёра, навес и вышла на главную улицу. Стало понятно, что девушка в отношении городка была скорее права, чем ошибалась. По обеим сторонам пыльной дороги раскорячились потрёпанные временем двухэтажные деревянные домишки. Похоже, на их постройку некогда шли даже части разобранных фур. Давно не обновляемая краска на вывесках и фасадах выцвела, потрескалась и местами облупилась. Кое-где у коновязей высушенными комками валялся навоз. На веранде ближайшего дома (по странной прихоти случая то был офис гробовщика) старик с длинной, спутанной бородой что-то брэнчал на банджо. Из-под вывески бакалейщика вышла женщина с лоханью, свернула за угол, вылила у стены обмылки. Новоприбывшая девушка бросила красноречивый взгляд на своего спутника, тот пожал плечами.

– Зато здесь солнечно.

– Мы в грёбаной пустыне. Тут всегда солнечно.

Улица вывела путешественников на просторную (в масштабах городка) площадь, в центре которой торчала угрюмая виселица – атрибут правосудия, нечасто встречающийся в такой глуши. Кроме виселицы площадь могла похвастаться маленькой церковью, отделением банка и мэрией; нашёлся и салун, одновременно служивший постоянным двором. Пара направилась туда.

Внутри было сумрачно и душно. Тапёр, сидевший в углу за расстроенным пианино, что-то сонно тренькал себе под нос. Немногочисленные посетители потягивали джин, лениво переговаривались вполголоса. За одним столиком квартет дюжих молодых (по виду – старателей), раздражаясь азартным хохотом, резался в кости. В дальнем углу кто-то дремал. Бармен – усатый дядька с редкими сальными волосами – от нечего делать протирал и без того сияющие чистотой кружки.

– Добро пожаловать в Сэндвилл! – ощерился он, заприметив гостей. – Чего желаете? Водки? Виски?

– Номер с двумя кроватями, – потребовала девушка. Её высокий спутник отработанным движением вынул из кармана жилетки позолоченные часы на цепочке. Одновременно с этим девушка столь же чётко отогнула правый отворот плаща; к подкладке была приколата серебряная брошь в виде паука. И на дверце часов, и на брюшке декоративного членистоногого камня был выложен один и тот же символ: герб магического Конвента. Только у парня узор был набран молочного-белыми опалами, а у девушки – чёрными, как уголь, агатами. Камни сверкнули неестественным блеском и тут же потухли.

Ухмылку бармена словно королева языком слизала. Кто-то из зала, приглядевшись к часам, сдавленно охнул. Игроки в кости оторвались от своего занятия, воззрившись на странную парочку. Повисла тишина. Через пару секунд один из золотоискателей тихо, но явственно произнёс: «Ищейки».

– Агентство поиска магических аномалий, – нимало не смутившись, заявил парень. – Где мы можем найти конфедеративного маршала или шерифа?

– Уже нашли, – рокошующим басом произнёс тот, кто дремал в тени. На свет вышел крупный сидящий мужчина. Он был абсолютно трезв, несмотря на красное, заросшее многодневной щетиной лицо. У воротника блеснула шестиконечная шерифская звезда. – Чем могу быть полезен?

– О, ничего особенного не требуется, – улыбнулся парень, приветственно вскинув ладонь. – Стандартная процедура: нам нужно отметить на участке у светских властей. Простая формальность, для отчётности перед начальством.

Россыпь непростых слов явно сбивала с толку некоторых посетителей бара – но только не шерифа.

– Что ж, идём, – блюститель порядка надел шляпу, развернулся и шагнул к выходу.

Девушка с неправдоподобно тяжким грохотом поставила прямо на барную стойку не очень объёмистую на вид сумку. Глаза бармена округлились.

– Тащите в наш номер, – распорядилась хозяйка багажа. Её спутник столь же шумно бросил свой рюкзак рядом с сумкой девушки. – Проследите, чтоб никто и пальцем не тронул. Если кто тронет и я узнаю (а я узнаю!) – будет худо. Да, ещё: они жутко тяжёлые, советую нести вдвоём.

Удовлетворившись реакцией хозяина заведения и уверившись в том, что её поняли с первого раза, девушка отправилась вслед за шерифом.

«Каждый раз одно и то же. Чего они всегда так реагируют? Неужели мы такие страшные?» – мысленно спросила девушка.

«Когда я впервые тебя увидел, тоже малость сдрейфил. Понимаешь, Эн, есть женщины, которые не похожи на ведьм. Так вот, ты не из их числа», – мысленно ответил парень.

«Вот спасибо, Крис!»

«Не за что. И потом, не везде же так. Просто местечко совсем уж... местечковое. Диковатое. Вспомни, в Клеменце на нас не обратили особого внимания. А в Порт-Олдене – это где мы наткнулись на заклинателя големов – нашему визиту вообще обрадовались: горожане были воодушевлены, почтительны. Ей-ей, цивилизация!»

«Это да. Но мне иногда кажется, что кое-где в провинции колдунов сжигают на кострах».

Они пошли через площадь.

– Ну, что за оказия привела в наше захолустье чародеев, да ещё вдобавок ищеек? – шерифа нимало не смущало вульгарное народное прозвище агентов. Похоже, мужик он был не робкого десятка, так как тут же выдал: – А не слишком ли вы молоды для агентов Конвента?

Девушка окинула шерифа тяжёлым взглядом. Представитель закона усмехнулся:

– Не смотри на меня волчицей, колдунья. Взяли в агентство – значит, по делу. А если молодых взяли – тем более почётно, – шериф на секунду задрал голову, сощурился. – Жарко сейчас, самое пекло. Солнце в зените.

Агенты в душе не могли не согласиться с этим: действительно, палило нещадно. Плотные дорожные плащи помогали слабо.

– Мы здесь проездом, – сообщил волшебник, смахнув испарину со лба. – В свободном поиске.

– Это я знаю, помню. Хотя Эдикт уже давненько не перечитывал. Но если законы за последние двадцать лет не меняли (новости сюда туго доходят), то вроде как по градам и весям отряды магов-ищейек и должны разъезжать.

– Не отряды – двойки, – уточнила девушка. Они миновали пустующую виселицу.

– Вот-вот, именно двойки. Путешествовать эти агенты должны, значит, и колдунов новообратившихся отыскивать. И способности у них забирать. Кстати, давно искал случая спросить: почему?

– Что «почему»?

– Почему самый первый Конвент решил Силу у новичков отнимать?

– Потому, что нова Силу получил, а контролировать её не умеет. Чихнёт случайно с толикой магии – и офис ваш долой. Пальцами щёлкнет – и вот уже вся эта горстка хибар полыхает, – мрачная девушка для пушей выразительности щёлкнула пальцами: с треском вырвался сноп искр. – Вам оно надо?

– Нет, пожалуй, мне мой городишко ещё не надоел, – шериф покачал головой. – А вот если, к примеру, их учить? Как урождённых волшебников? Не каждый же нова, как вы их называете, злодей. Он мог бы послужить на общее благо, будь у него шанс. Неужто иных вариантов, кроме лишения Силы, даже не рассматривалось?

Маги промолчали.

– Впрочем, это дело шишек из Конвента, – пожал плечами законник. – Мы люди простые, в дела магов не суёмся.

Компания остановилась у крепкого здания, служившего городской тюрьмой и офисом шерифа. Последний, пошарив в карманах, достал ключ и отпер дверь. Внутри было пусто, тихо и прохладно. Хозяин сразу провёл гостей к конторскому столу. На стене, рядом со столом, висели пожелтевшие, пожелтевшие копии главных нормативно-правовых актов, среди которых нашёлся и Эдикт. Представитель закона сел за стол, раскрыл одну из лежавших на нём книг. Затем он откупорил небольшую пузатую склянку с чернилами, окунул в неё стилус и стал что-то бегло записывать на расчерченных страницах твёрдым отточенным почерком.

«Не так уж он и тёмен для захолустья, – отметила Эн. – Проницателен. Грамотен. Не похож на типичного провинциала».

«Кто знает, кто знает... С одной стороны, ты права: Конвент вроде как настоятельно рекомендует обучать грамоте всех законников, даже распоследних тюремщиков. С другой стороны, власти простых людей формально неподотчётны чародеям. Поэтому в шерифы и маршалы могут набирать всех, кого захотят».

«Или кого смогут».

– Так что там с поиском? – носитель шерифского значка оторвался от записей. – Нашли кого? Уж не в наших ли местах? Если что, я здесь всех знаю – и ничего странного в последнее время не замечал.

– Успокойтесь, – чародей миролюбиво поднял раскрытую ладонь. – Эфир молчит. Никаких сигналов отсюда не поступало. Мы просто переночуем и поедem дальше. Хотя, если нужно, можем задержаться и всё основательно проверить. Чтоб вам было спокойнее.

– Основательно не надо. Говорю же: всех здесь знаю. Никто мимоходом постель под своей бабкой не поджигал, – шериф хохотнул, продолжил серьёзно: – Колдуйте, если хотите. Только

по-тихому. К чему народ зря будоражить? Всполошится, панику поднимет. Сами понимаете, магией тут не избалованы.

– Хорошо. Тогда мы просто осмотримся. Выпишите официальное разрешение.

– Чтоб осмотреться? Бросьте! Вы лучше сейчас к мэру зайдите, ему тоже бумага нужна. Дескать, такие-то маги были такого-то числа, в служебной командировке. Властями оказано содействие. И вам за гостиницу не придётся платить, и старине Тислу зачтётся. Поставьте подписи и полные имена вот здесь.

Страж порядка протянул колдунам стилус и развернул к ним книгу. Через минуту под свежим протоколом появились две подписи:

«Энвер ван Тессел, тёмная ведьма, оперативник Агентства поиска магических аномалий», «Кристоф Гэррит, светлый маг, оперативник Агентства поиска магических аномалий».

Шериф прочёл написанное, почесал подбородок.

– М-да... Вроде бы и всё. Хм... Гадал, кто из вас тёмный, а кто светлый. Выходит, верно угадал... – тут он поднял голову, встал из-за стола. – Ну-с, господа чародеи, к вам вопросов больше не имею. Если нет и у вас ко мне, то можете идти.

На прощание пожав руки колдунам, он добавил уже вдогонку:

– Если вечером будет нечем заняться, приходите на пустырь за городом, сразу в конце главной улицы. С досугом для таких людей, как вы, у нас в Сэндвилле не очень, но сегодня особая программа – считайте, эксклюзив. Будет выступать цирк: проезжий, на одну ночь всего. Народ уже сейчас потихоньку собирается. Помост уже сладили. Торговцы начинают палатки разбивать. Словом, веселье намечается.

– Запомним это, – кивнул парень. – Спасибо за приглашение, шериф, мы поразмыслим над вашим предложением. Всего доброго.

«Только цирка нам не хватало!» – мысленно проворчала ведьма, когда дверь в тюрьму закрылась за ними.

«Вся наша работа – цирк», – философски заметил напарник.

– Знаешь, почему теперь твоя очередь сканировать Эфир? – спросил Кристоф, плюхнувшись на старую, донельзя скрипучую кровать.

– И почему же? – Энвер провела пальцем по подоконнику, критически осмотрела собранную пыль.

– Во-первых: в прошлый раз это делал я.

– А до того – я три раза подряд.

– Не перебивай. Во-вторых: знаю, как ты любишь лишний раз поколдовать, и не могу отказать тебе в этом удовольствии, – Кристоф с блаженством растянулся на постели прямо в уличной одежде. – Наконец, в-третьих: люблю смотреть, как ты занимаешься унылой рутинной.

– В то время как ты валяешь дурака, – парировала ведьма.

– Как говорит один мой знакомый, «лучший отдых – бездельничать, когда другие работают».

– Сапоги хотя бы сними!

Волшебник послушно скинул обувь. Энвер тем временем сняла шляпу и уселась на пол возле багажа, с удовлетворением отметив, что замки и завязки на сумке остались нетронутыми. Как правило, для сохранности пожитков было достаточно припугнуть вороватую публику справедливым возмездием, но колдунья предпочитала перестраховываться. Она коснулась волос, стянутых на затылке в шиньон, вытащила простую железную спицу, служившую заколкой. Чародейски красивые иссиня-чёрные длинные волосы распустились, водопадом упали на спину. Спица в руке волшебницы коротко коснулась всех узлов и застёжек на сумке. Узлы тут же развязались, точно были живыми, застёжки сами собой растянулись, и сумка раскрылась. Энвер отложила спицу, простёрла руку над раскрытым чревом вещевого мешка,

сделала повелительно-призывный жест. На свет одна за другой начали выплывать разнообразные причудливые вещицы, сразу зависавшие в воздухе рядом с девушкой.

– Обожаю наблюдать за тобой в такие моменты, – донёсся с постели весёлый голос напарника. – Приобретаешь такой важный сосредоточенный вид.

– Магия – не балаганские фокусы, – лицо ведьмы было непроницаемо, – но элитарное искусство с элементами науки и признаками проклятия. К ней нельзя относиться легкомысленно.

– Устами твоими глаголет истина, – засмеялся маг. – Но слова чужие. По-моему, ты вольно процитировала одну чародейку из старинной, ещё довоенной легенды. Я читал.

– Поздравляю: ты умеешь читать! Может быть, воспользуешься свободной минуткой и потренируешь столь неожиданно открывшийся навык?

Кристоф насмешливо фыркнул, но отвлекать напарницу перестал. Покинувшие сумку предметы (латунные, бронзовые, из благородной древесины, хрусталя и алмазов) образовали вокруг волшебницы многослойное кольцо. Энвер закусил губу. Предстояло самое сложное: левитирующая сборка эфирного ультраскопа. В принципе, и она сама, и её напарник с помощью нехитрого инструмента могли руками, не напрягаясь, собрать и настроить сложный прибор. Но это заняло бы не меньше часа и лишило бы её возможности лишним раз получить удовольствие от сложного, ювелирного колдовства, требующего не столько силы и таланта, сколько предельной концентрации, сноровки и теоретической подкованности. А возиться со сложными чарами она любила, в этом светлый маг был прав.

Энвер начала прodelывать сложные пассы руками. Парящее кольцо из деталей стало довольно быстро вращаться против часовой стрелки, явственно обретая упорядоченность в этом движении. Одной рукой продолжая направлять элементы ультраскопа, другой колдунья выполнила такое движение: будто пальцами достала из солонки щепотку соли. Из таинственных недр баула выпорхнула стайка железных винтиков и гаек; все они просто повисли в воздухе рядом с вихрем деталей. Ещё один жест: из стремительного кружения в центр выплыл, пожалуй, самый крупный компонент – медная шайба с отверстиями для винтов, основа собираемого прибора. От напряжения у девушки на лбу выступила испарина. Теперь нужно было, не прекращая контролировать полёт остальных элементов, быстро прикрутить к шайбе кронштейны для механизмов фокусировки. Пальцы так и мелькали, повинувшись мысли, направляя силу. Теперь череду заклинаний нельзя было отменить; оставалось только быстро, одну за другой, подгонять детали друг к другу и, пока закрепляется предыдущая, уже примерять к фиксирующим гнёздам следующую. Филигранная работа!

Да, колдовать она любила. Энвер ещё маленькой девочкой обнаружила в себе Силу. Впрочем, для отпрыска известной и уважаемой в определённых кругах тёмной фамилии, корни которой уходили ещё к началу Войны, наличие врождённого дара как раз не было неожиданностью. Другое дело, что родственники оказались перед непростым выбором. Ведуны уверяли, что у малютки Эн дар необычайно мощный: такой сильной проводимости эфирной энергии не было ещё ни у кого из семьи ван Тессел. Кроме того, у девочки был редкий талант к обучению; было и желание, быстро переросшее в страсть, в жажду познания всех таинств колдовского искусства. Однако чтобы дать этим способностям развиваться в полной мере, родителям необходимо было выпросить у полномочной комиссии разрешение на магическую практику для дочери. И не просто выпросить: дабы Энвер могла со временем постичь высшие секреты тёмной магии, родители заранее обязывались отдать начинающую ведьму в пожизненное услужение Конвенту. А там безраздельно властвовали светлые. Победители. Подобная перспектива для дома, некогда богатого и влиятельного, а ныне прозябающего на руинах былого величия, приравнивалась к смертельному оскорблению. Так что же важнее: сомнительное будущее одной или несомненное прошлое всех? Эта нерешённая дилемма с юных лет наполнила жизнь Энвер борьбой – борьбой с непониманием, отчуждением и презрением со стороны родни,

украдкой тешившей успехами чародейки свою гордыню. И у светлых, окружавших её, девушка не находила сочувствия – только постоянный контроль, слежка за каждым шагом, наблюдение за каждой мыслью. С того момента, как она получила разрешение на колдовство, не было ни одного серьёзного заклинания, сотворённого ею без ведома какого-нибудь светлого мага. И вот ведь парадокс, только колдовство помогало ей забывать об этом.

Ведьма медленно выдохнула, положила руки на колени. На пол перед ней мягко опустился собранный и настроенный эфирный ультраскоп (прибор казался гибридом граммофона, торговой кассы и перевёрнутой газовой люстры).

– Двадцать две минуты.

Энвер обернулась. Напарник закрыл свои часы, посмотрел на чародейку:

– Ровно на три минуты дольше твоего личного рекорда. Теряешь хватку, Эн.

– Ты что, помнишь все результаты? – иронично поинтересовалась ведьма.

– Не все, – успокоил Кристоф. – Только те, которые превосходят мои скромные достижения. Хочу знать, к чему стремиться.

– Раз уж ты преисполнен благородными стремлениями, займись-ка сканированием сам, – Энвер встала, мягко потянулась. – Я здорово устала и планирую разузнать у хозяина, как тут обстоят дела с горячей ванной. Хочу немного побаловать себя простыми женскими радостями. А после не мешало бы поспать.

Колдунья вышла. Кристоф сел на пол возле ультраскопа, взялся за рукоятку привода, вращавшего портативную динамо-машину. Маховик ротора начал раскручиваться. В какой-то момент послышался треск, между электродами проскочила искра, и по цепям устройства побежал электрический ток. Маг бросил вертеть ручку, на глаз проверил юстировку линз. Щёлкнул тумблер: внутри огранённых алмазов по углам ультраскопа затеплились тусклые синие огоньки. Кристоф ещё раз слегка поправил линзы; сквозь них тонкие лучи протянулись от угловых кристаллов к хрустальному шару в центре прибора. Шар поглотил свет и заполнился светящейся пульсирующей мутью.

– Отлично. Теперь ныряем, – пробормотал ищейка.

Мысль, жест, слово. Чародей сосредоточился, простёр обе руки над хрустальной сферой, закрыл глаза. Губы беззвучно пробормотали формулу. Пришедшие в движение силы захватили его, и Кристоф почувствовал, что проваливается куда-то вниз. Его сознание будто вытряхнуло из тела, поволокло, скрутило в струну и затянуло в мерцающие синим светом, таинственные глубины шара. Кристоф множество раз погружался в Эфир, ощущение бесплотности его не пугало. Он мысленно выстроил ещё одну цепочку заклинания и открыл не существующие уже глаза.

Мир превратился в огромный трёхмерный инженерный чертёж. Глубокая синева повсюду. Волшебник, вернее – его эфирный фантом, сохранивший только магическое зрение и разум, осмотрелся. Далеко внизу (так по крайней мере казалось, ведь сил притяжения не было) белые тонкие линии, подобно паутине, переплетались и пересекались, образуя строгий упорядоченный рисунок. Кристоф опустился ниже – рисунок обрёл чёткость и ясность: стало понятно, что линии на самом деле представляли собой схематичный объёмный план Сэндвилла. Каждое здание, каждое рукотворное сооружение было обозначено каркасом из прямых «паутинок». Гротескное, упрощённое изображение. Внутри и снаружи таких «клеток» хаотично перемещались размытые пятна бело-голубого света и бесформенные облачка серого тумана. Пятна отображали сущность простых людей, туманом проецировались животные. Фантом сделал круг над скоплением пятен и облачков, но не нашёл того, что искал. Ни следа магических возмущений. Кристоф покинул городок, облетел окрестности, заглянул на ближайшие ранчо и даже порыскал над пустыней, в Эфире кажущейся ещё более пустой, чем в материальном мире. Ничего. Похоже, шериф был прав: ни одного колдуна здесь не было, и по крайней мере месяц ни одного заклинания в окрестностях не произносилось.

Удовлетворившись осмотром, Кристоф сделал мысленное усилие и ощутил сильный толчок в грудь. На самом деле никакого толчка не было: просто разорвалась связь с Эфиром, и тот вышвыривал чародея обратно, в привычное для разума измерение. Волшебник, будто бы резко вынырнув из глубокого омута, жадно глотнул воздуха и обнаружил себя сидевшим на полу в небольшой комнате, возле гаснувшего ультраскопа. Энвер уже ждала его, сидя на своей постели.

– Ну как? – спросила ведьма.

– Никак. Большой дыры, чем Сэндвилл, я ещё не видел. Никаких следов магии, никаких подвижек Силы в ближайшем прошлом.

– На фермах искал?

Светлый укоризненно посмотрел на девушку.

– Ну, нет так нет. Отдохнём, значит.

– Слышала о гипотезе конденсаторной динамики?

– Это которая мэтра Корнелия?

– Ага. Она гласит, что длительный мёртвый штиль в магических событиях одной локации рано или поздно нарушится интенсивным магическим всплеском в означенной локации. И чем дольше длится штиль, тем сильнее будет в итоге выброс.

Энвер испытующе посмотрела на своего напарника.

– Думаешь, скоро здесь будет «бадабум»?

Светлый маг пожал плечами.

– Кто его знает? Это ведь лишь гипотеза, никаких практических исследований по этой теме не проводилось. Ведь на океанских просторах и в горных цепях десятилетиями ничего не происходит. И – никаких всплесков.

– Может быть, штормы и снежные лавины как раз и являются результатами магических выбросов, подготовленных годами спокойствия? – с усмешкой предположила ведьма. Кристоф в ответ махнул рукой.

– Ты права, зря я об этом заговорил. В конце концов, не посылать же в агентство рапорт из-за того, что ничего не происходит? – маг поднялся с пола. – Ничего нет – и ладно. Завтра двинем дальше. Как там твоя ванна?

– Через полчаса будет готова.

– Хорошо. Значит, успеешь разобрать ультраскоп.

– А ты что же?! – возмутилась девушка.

– А я пошёл раздобывать еду. Тебе чего-нибудь принести или будешь сыта водой с мылом?

Вечером на пустыре за городом собрались, вероятно, все, кто жил в радиусе тридцати миль от Сэндвилла. Людей было так много, что не протолкнуться. Все окрестные фермеры явились как один, захватив с собой свои семьи, своих батраков и даже семьи своих батраков. Фургоны приезжих образовали кольцо – этакую импровизированную площадь – с палатками циркачей, навесами и просторным помостом в центре. Лошади из всех упряжей были сведены в один общий загон, наспех сколоченный по такому случаю. Из каждого второго фургона была сооружена походная лавка, за которой тот или иной фермер рассчитывал немного нажиться, торгуя продукцией своего ранчо. К неудовольствию свежеиспечённых лавочников, ситуация осложнялась узким ассортиментом товара и большим количеством конкурентов. Горожане не отставали в попытках подзаработать: надрывая глотки, лоточники перекрикивали толпу, нахваливали пирожки, леденцы и орехи; зазывали к своим палаткам кузнец, оружейник, скорняк и даже гробовщик – тот самый старик, весь день брэнчавший на банджо у входа в похоронное бюро. Особняком стояли балаганчики приехавших вместе с цирком ловкачей: эти устроили массу разнообразных конкурсов и аттракционов. Дети, хохоча, носились в надежде быть

сразу везде и всюду, а их матери, бабушки, старшие сёстры и наёмные работники сбивались с ног, наивно пытаясь держать вопящую ораву под контролем. Царивший над ярмаркой пёстрый шум – весёлый гомон, смех, выкрики, плач, хрипкое пьяное пение и ворчание скупых покупателей – венчался энергичной минорной мелодией, которую с энтузиазмом исполнял расположившийся на небольшой сцене ансамбль в составе гитары, фиддла, тамбурина, бойрана, контрабаса, волынки, барабана и тарелок.

Словом, от образа сонного захолустья не осталось и следа: округа ожила, искренне радуясь новому поводу развлекаться.

Перед входом на ярмарку, возле небольшого возка и привязанного к нему коня стоял, заложив большие пальцы за ремень брюк, сам шериф, по случаю праздника надевший красную клетчатую рубашку и побрившийся начисто. Завидев агентов, он довольно осклабился:

– Всё-таки пришли.

Чародеи переглянулись.

– Добрый вечер, шериф.

– И вам добрый вечер. Ну, что показали поиски? Или вы сюда как раз за этим?

– Поиски показали, – протянула Энвер, – что творить чудеса в окрестностях способен разве что цирковой фокусник. Сегодня – всего за четверть шиллинга¹.

– Стало быть, беспокоиться не о чем, – расхохотался шериф. – Хорошо. А вы, значит, на праздник пришли.

Кристоф пожал плечами:

– Выходит, что так.

– Тогда не смею задерживать. Тем более мэр в счёт вашего пребывания здесь ещё и плату за представление включил. Да, цирк в любом случае в накладе не останется: целое событие для здешних мест... О, чуть не забыл: всё оружие нужно сдать мне.

Чародейка распахнула плащ, демонстрируя пустой пояс:

– Вы всерьёз считаете, что тёмной ведьме нужно оружие?

– Мы же на праздник отдохнуть идём, – заверил напарник ведьмы.

Шериф развёл руками, сделал шаг назад, пропуская гостей города. Те коротко кивнули в знак благодарности, прошли мимо тарачившегося на них во все глаза билетёра... и будто бы оказались в русле бурной горной реки.

«Вот почему я не люблю все эти сборища? А: мало места. Б: много людей». Энвер с трудом проталкивалась сквозь толпу, то и дело натываясь на посетителей ярмарки.

Кристоф, хотя и шёл первым, легко лавировал в людском потоке, ловко уклоняясь от внезапно возникающих на пути препятствий.

«Ты выдающийся мизантроп, Эн».

«Что есть, то есть. Не забывай: я всё-таки тёмная ведьма».

Исчезнувший было из поля зрения чародей вдруг появился, с большим кульком сахарной ваты в руках, прямо перед напарницей.

– Брось, Эн. Просто расслабься. Сама ведь ещё днём мечтала о простых житейских радостях.

– Я мечтала об отдыхе, – возразила ведьма.

– Вот и отдыхай! Зачем, по-твоему, собрались здесь все эти люди? – Кристоф, широко улыбаясь, протянул подруге лакомство. – Щипай давай.

Вата оказалась нежной и вкусной. На помосте шли последние приготовления к цирковому шоу. Музыканты доиграли очередную забористую мелодию и отложили инструменты, решив передохнуть. Неподалёку кто-то шумным басом сварливо торговался с мясником, обвиняя того в несправедливой наценке. Донёсся звонкий, залиvistый девичий смех: видно, удач-

¹ Крупная денежная единица, основная для всех стран континента. 1 шиллинг равняется 20 талерам и 400 су.

ливому парню посчастливилось сорвать поцелуй с губ юной девицы. Над толпой поплыл заманчивый аромат жареных телячьих отбивных. Чародеи прошлись вдоль ряда аттракционов, остановившись возле конкурса «Три мяча». Девочка лет двенадцати на удивление метко и сильно швыряла набитые песком тряпичные мячики, в две попытки уронив пирамидку из деревянных бутылок. Раздосадованный хозяин аттракциона – щербатый типус в пёстром пиджаке – протянул счастливой победительнице уже третью игрушку.

– Это последняя, девочка. Ты сегодня необычайно удачлива – беги попытай счастья где-нибудь ещё.

Девочка отошла, крепко прижимая призы к груди.

«Покидаем, Эн?»

«Хочешь? Кидай».

Чародеи подошли к столу с мячами.

– Желаете проверить свою ловкость и меткость? – осведомился Щербатый.

Кристоф тряхнул головой.

– Ага. Разок – я, разок – она, – чародей ткнул пальцем в Энвер.

Хозяин прикинул шансы бросающих, нахмурился и восстановил пирамиду в нескольких футах подальше от стола с мячами. Белый маг хмыкнул, порыскал в карманах и выложил на стол серебряный талер.

– Сдачи не нужно.

Щербатый почесал затылок, крикнул и осторожно сгрёб монету ладонью.

«От души деньгами соришь, братец!» – укорила волшебница.

«Хочу остаться в памяти местных щедрым и великодушным».

Кристоф взял первый мяч, коротко размахнулся и, не целясь, метнул его в пирамиду. Пирамида рухнула от одного прямого попадания.

– Ух ты! – удивился метатель. – В юности я был неплохим игроком в «камешки», но... не знал, что всё ещё в форме.

Устроитель аттракциона озадаченно потёр щетину.

– Похоже, вам стоит предложить суперигру, – он отошёл к задней части своего навеса и раздвинул полосатые шторы. Ищейки увидели деревянную ячеистую полку, в некоторых ячейках которой в случайном порядке стояли вырезанные из алебаstra фигурки.

– Всё просто: одно попадание – один следующий бросок. Два мяча в запасе. Собыёте все фигурки – первый приз ваш!

Кристоф протянул мяч подруге, выразительно повёл бровью. Энвер вздохнула, взяла тряпичный снаряд – тот сразу оттянул ладонь приятной мягкой тяжестью. Колдунья сосредоточилась, аккуратно прицелилась, размахнулась. Бросок! Мячик с глухим стуком ударился в перекрестье полок, алебастровые фигурки лишь едва пошатнулись. Колдунья поморщилась.

– Ничего, первый блин комом. Считай, теперь пристрелялась, – подбодрил её спутник.

Второй раз она целилась тщательнее, бросала на точность. Мячик в итоге попал в пустую ячейку; фигурка была рядом, но уцелела. Остался последний мяч.

«Ты же можешь, Эн! Это всего лишь дурацкий мячик! Нет ничего проще из того, что ты делала в жизни!» – подумала разозлённая чародейка. Размахнулась широко и сильно, не целясь. Доверилась чутью, которое никогда её не подводило. Мяч сорвался с ладони, и секунды будто бы растянулись в бесконечность. Тряпичный комок, переворачиваясь, медленно пробивался сквозь душный вечерний воздух, уверенно двигаясь к цели. Траектория казалась безошибочной. Дистанция до сетчатой полки неумолимо сокращалась; на резных алебастровых фигурках металась тени, отбрасываемые керосиновыми лампами, и оттого фигурки казались живыми. Они словно трепетали в ужасе от приближающейся развязки. Кого же из них собыёт горсть песка, завёрнутая в тряпку? Кто же низринется в пропасть, чтоб никогда не подняться?

Мяч просвистел над верхними досками и с глухим стуком врезался в заднюю стенку навеса.

– Не повезло, бывает, – явно обрадовался Щербатый. – В следующий раз удача будет более благосклонна к вам. Кстати, не хотите попытаться ещё? Всего десять су.

– Нет, спасибо, – улыбнулся Кристоф. – Кажется, нам полагался утешительный приз?

– Да, конечно, – Щербатый, порывшись под столом, протянул парню мягкую игрушку – маленького тряпичного тигрёнка с пуговичными глазами. Пока чародей думал, что делать с призом, пройдоха-хозяин уже начал высматривать следующих простаков: – Эй, ребята! Не желаете испытать свою меткость? Всего четверть талера за три броска!

Ищейки отошли от палаток аттракционов.

– Какая чушь! – сквозь всегдашнее напускное равнодушие Энвер просачивалась досада. – Немного телекинеза, и я бы одним мячом сбила все фигурки с завязанными глазами!

– Э, да кое в ком проснулся азарт! – лукаво подмигнул напарник. – А как же твои принципы магической исключительности?

Кристоф скорчил грозную мину и забубнил, очень похоже пародируя голос ведьмы: «Магия тебе не дешёвые фокусы! Это элитарное искусство для избранных, наука и проклятие...»

– Ха. Ха. Ха, – чародейка ловко выхватила игрушку из рук приятеля. – Дай сюда!

– Эй, это мой тигрёнок! – запротестовал было Кристоф.

Энвер беглым взглядом изучила ближайших прохожих и наконец поймала за шиворот пробежавшего мимо мальчика лет шести. Оторопевший от неожиданности парнишка уставился на неё расширившимися глазами. Колдунья, как и устроитель аттракциона минутой ранее, бесцеремонно сунула тряпичного зверя в руки новому хозяину.

– Держи, это тебе подарок. Играй на здоровье, – пожелала тёмная волшебница и, отпустив ребёнка, легонько шлёпнула его по мягкому месту. – А теперь дуй к маме, малец!

Испуганный мальчишка опрометью бросился прочь.

«Однако. Что это было?» – поинтересовался светлый маг.

Энвер подмигнула ему: «Хочу остаться в памяти местных щедрой и великодушной».

В это время зычный голос со стороны циркового помоста перекрыл гомон ярмарочного сборища, возвещающая начало представления. Народ отхлынул от лавочных повозок, люди потянулись к центру площади.

– А вот и цирк, – обрадовался Кристоф. – Пойдём глянем на профессионалов?

Колдунья пожалала плечами и последовала за своим напарником. Двигаться было не так просто: толпа становилась всё плотнее, и никому не хотелось уступать уже занятое с большим трудом место. Ищейкам удалось сократить расстояние до помоста почти в половину к тому моменту, когда зазвучала барабанная дробь, призывая к тишине и требуя внимания. Ожидавшие представления зрители притихли, устремив взоры на сцену.

– Добрый вечер! – громогласно прозвучало из темноты. На сцене хлопнул взрыв, осветив площадь оранжевым светом; ярким фейерверком затрещали посыпавшиеся искры. Зрители отреагировали аплодисментами, радостными криками и одобрительным свистом. Из серого дыма, затянувшего цирковой помост, вышел представительный джентльмен в высоком цилиндре из шёлкового плюша. Джентльмен обладал необъятным животом и усами поистине выдающимися: длинные, красивые, блестящие, усы эти лихо завивались на концах. Усач картинно поклонился и заговорил поставленным голосом:

– Добрый вечер, дамы и господа. Разрешите представиться: меня зовут Мсье Конферансье. Наш удивительный цирк – царство чудес, известное от океана до океана под названием «Экстраваганс». Рад приветствовать столь благодарную и почтенную публику. Сегодня, многоуважаемая публика, я буду вашим путеводителем, проводником в волшебный мир фантазий и приключений! Вы увидите диких зверей из стран, названия которых никогда не слышали! Вы

увидите акробатов, которые открыли секрет притяжения и научились летать! Вы увидите клоунов и мимов, которым удалось рассмешить самого Дьявола! Вы увидите калейдоскоп совершенно удивительных вещей, которых, возможно, не увидите больше нигде в мире! И эту невообразимую феерию – да-да, недаром так зовётся наш цирк – мы привезли сюда только на одну ночь, ради одной-единственной цели: показать все наши сокровища вам! Вам и только вам лишь сегодняшней ночью дано приоткрыть завесу тайны и, может быть, даже прикоснуться к мечте!

Площадь разразилась оглушительными овациями, заставив конференсье вновь раскланяться.

«Должна признать: этот господин умеет заводить аудиторию. В нём пропадает перво-классный политик».

«Не пропадает, Эн. В политике таких господ хватает с избытком; этому было бы там тесно с его комплекцией».

«Чёрт возьми, разве не у всех политиков такая комплекция?»

«Не знаю. Но, вероятно, упитанность как-то влияет на чин. Иначе я бы здесь, рядом с тобой, не стоял».

«Ага. Конвент, небось, в полном составе спит и видит, как бы засадить твои мощи в кабинет».

«В таком случае им пришлось бы меня откармливать. За казённый счёт».

«Размечтался!»

Мсье Конференсье тем временем поднял руки, привлекая внимание. Аплодисменты стихли.

– И первыми в нашей программе выступают мастера пантомимы, титаны шуток и властители смеха – лицедеи Шило, Нытик и Карамелька. Встр-р-речайте!

За спиной конференсье разошёлся занавес, открывая центральную часть помоста.

Это были клоуны: длинный, как жердь, дядя с донельзя унылой физиономией; приземистая грудастая тётка, ряженная будто бы в фантики от конфет; третьим был чумазый оборванец в лохмотьях. Клоуны изображали волшебников из спецслужб Конвента, которые пытались изловить обнаруженного нову. Безнадёжный простофиля Нытик играл светлого мага; крикливая и дёрганая, немного сумасшедшая Карамелька была тёмной ведьмой. Шило – весёлый и находчивый остряк – считался новой. Короткая экспозиция их номера неприятно поразила Энвер. И дело было даже не в том, что между карикатурными и настоящими агентами угадывалось подозрительное сходство (не разглядеть его было невозможно – что изрядно повеселило Кристофа, и тот хохотал до колик). Нет, дело было в другом: красочно и богато одетые, изо всех сил корчившие силу и важность, но абсолютно бестолковые «агенты» пародировали волшебников вообще и ту власть, тот порядок вещей, который был навязан миру по итогам Войны. Они были зеркальным отображением того стереотипного образа магов, какой сформировался в умах простых обывателей. И, по сути своей, в чём-то они были правы: многое из того, что делали чародеи с момента своего появления, приносило людям только страх, боль и неопределённость. Что касается Шила, то он являл собой архетип обычного человека – по сути своей, маргинального элемента в системе законов и ценностей, установленных волшебниками. И хотя он был номинально беспомощным перед ними, но всё же имел неоспоримое преимущество в виде простой и честной человеческой морали. А житейская находчивость и верная оценка сил, подкреплённая новообретёнными способностями новы, позволяли Шилу с лёгкостью обводить ищеек вокруг пальца и неизменно выходить победителем из всех переделок. «Маги», в свою очередь, столь же неизменно оказывались в дураках. Весь этот номер наводил на одну тревожную мысль: простые люди больше не видят в новых угрозу, как это являлось на самом деле, но видят надежду. Надежду на перемены.

Поглощённая размышлениями, ведьма пропустила момент, когда клоуны под гогот и аплодисменты публики убрались восвояси. Пропустила Энвер и укротительницу пум, выступившую следом, и факиров со шпагоглотателями, выступивших после укротительницы. В реальность девушку привёл мысленный импульс Кристофа:

«Посмотри: кажется, сейчас будет нечто интересное».

Йоги уволокли свои шкуры с битым стеклом, и на сцене вновь появился Мсье Конферансье.

– А сейчас, жители сего благословенного города, вы увидите нечто особенное! – высокопарно объявил толстяк, делая вид, что посвящает слушателей в глубочайшую тайну. – Этот человек прибыл сюда с вечерним поездом. Но в наш цирк он пришёл много раньше, и при нём не было ничего... кроме того, что при нём было. Тайнственный незнакомец без гроша за душой, как всем нам тогда показалось. Однако он владел гораздо более ценным сокровищем, чем любые мыслимые богатства. И вскоре доказал, что способен на очень, очень многое. И-и-и-и встречайте! – конферансье возвысил голос. – Восходящая звезда на небосклоне «Экстраваганс»! Владыка иллюзий и мастер фантомов! Человек, раскрывший тайны сил и познавший магию! Талантливейший и, без сомнения, величайший чародей нашего времени (Энвер слегка напряглась) – иллюзионист и фокусник месье Бериллио!

Грянул гром оваций. Энвер расслабилась: фокусники были обычными людьми, и все те невероятные штуки, которые они демонстрировали непосвящённым зрителям, творились посредством ловких рук, оптических иллюзий и манипуляций с психологией. Многие часы тренировок – вот всё, что требовалось для таких чудес.

Фонари над подмостками потускнели, сгустился мрак. Толпа притихла. Из-за кулис на сцену выползал жирный, клубящийся туман. Вновь зазвучала барабанная дробь – на этот раз негромко, нагнетая напряжение. Из стелящегося по доскам «тумана» вырос длинный вертикальный клуб, вначале бесформенный, но быстро принявший очертания человека. Дробь вдруг оборвалась, на сцене что-то хлопнуло, полыхнуло белым. Толпа дружно ахнула... а на месте разорванного вспышкой туманного лоскута возникла фигура в чёрном плаще. Опомнившихся зрителей обуял восторг, но фигура скупым резким жестом пресекла все попытки рукоплесканий. В наступившей тишине раздался вкрадчивый выразительный голос:

– Что есть магия?

Притихшая публика обратилась в зрение и слух. Фигура выдержала театральную паузу и ответила на собственный вопрос:

– Магия суть величайшая иллюзия. Обман. Грандиозная ложь, скрывающаяся под маской элитарного мастерства. Ложь, которую немногие посвящённые выдают за науку. Ложь, которую единицы избранных считают проклятием.

Ведьма почувствовала, как в ней зашевелилось негодование.

– Но по-своему они правы, каждый из них, – фокусник поднял голову, распахнул плащ и принялся медленно расхаживать по сцене.

Аудитория получила возможность рассмотреть обычного, казалось бы, мужчину средних лет с абсолютно не запоминающимся лицом. Эта слегка демонстративная безликость вкупе с чёрным одеянием грамотно подчёркивала и усиливала его таинственность.

– Ибо нет науки труднее, чем выдавать ложь за истину, – продолжил он. – Нет искусства изящнее, чем враньё оборачивать искренностью. И нет большего проклятия, чем, зная правду, скрывать её.

Фокусник остановился и поднял руку, указав на кого-то в толпе:

– Мальчик, могу я попросить тебя подняться на эту сцену?

Веснушчатый паренёк в алом шейном платке осмотрелся по сторонам, не поверив, что указывают именно на него. Месье Бериллио кивнул, поманил пальцем. Мальчишка протолкался сквозь толпу, вскарабкался на сцену и встал рядом с фокусником.

– Интересный вопрос: зачем это нужно? – продолжал фокусник. – И я отвечаю: настоящая магия не знает границ. Для неё нет рамок, не существует ограничений. Ей не важен ваш возраст, ваше происхождение, ваши религиозные или политические убеждения. Она вне времени, материи и пространства. Магия есть в каждом из нас, в каждой вещи, существующей под этим солнцем. Жизнь – вот величайшее волшебство на свете! Это истинное чудо, открывающее безграничные возможности, уходящие за горизонт и не поддающиеся пониманию и осмыслению!

Пафосный иллюзионист протянул мальчику ладонь:

– Позволь, я одолжу твой платок?

Паренёк развязал узел и осторожно положил платок на раскрытую ладонь. Мессир Бериллио тут же показал вещь всем присутствующим:

– Вот, посмотрите на этот кусок ткани. «Что в нём необычного?» – спросите вы. Ничего. Это просто крашенная тряпка. Но она материальна. Её можно пощупать, потрогать; её можно носить как украшение; её можно сжечь и развеять пепел по ветру. Она существует – значит, живёт, взаимодействует с миром, влияет на него. Ничтожно, почти незаметно – но это так. Значит, она тоже волшебная.

Фокусник завёл свободную руку за спину и вытащил оттуда небольшую чёрную коробку. «Заметь, только что её там не было», – прокомментировал Кристоф.

«Была. Висела себе на крючках, прицепившись к плащу. Ночной полумрак и туман сделали дело. Разуй глаза», – посоветовала колдунья.

«Ты не веришь в магию, Эн?» – светлый волшебник притворно вытаращил глаза.

«Ловкость рук и никакого мошенничества», – мысленно процитировала Энвер.

– Магия во всём, – мэтр Бериллио показал открытую коробочку сначала мальчику, потом людям, чтоб все убедились, что она пуста. – В этой тряпке, потому что её соткали. И в этой коробочке, так как её сколотили. Этих предметов не существовало бы, не соверши их создатели акта порядка. Точно так же любой из нас может совершить акт хаоса: уничтожить эти вещи, и их не станет. Как исчезнет и магия их существования. И хаос, и порядок – это две равные части магической силы, две стороны души каждого из нас. Две половинки одного целого.

Фокусник положил косынку в коробочку, закрыл её.

– Я хочу лишь показать вам, понятно донести до вас то, что является настоящей правдой: каждый из нас является чудом. И каждый может его совершить.

Сказав это, мессир протянул небольшой чёрный ящик мальчику. Тот растерянно уставился на него.

– Я хочу, чтобы ты совершил чудо, мальчик, – ровный голос фокусника звучал, точно внушение гипнотизёра. – Акт сотворения, воплощение порядка. И у тебя получится.

– Что я должен делать, мастер? – спросил паренёк.

Фокусник взял его руку и положил на коробочку, раскрытой ладонью вниз:

– Ты должен представить то, во что бы ты хотел превратить этот простой платок. Представь что-нибудь интересное, яркое и редкое. Но только не говори мне что. примени фантазию.

– Я представил, сэр. Но... – мальчик замялся. – Но как я смогу...

– Не думай о том, что это невозможно! Просто поверь! – воскликнул иллюзионист.

Владелец платка глубоко вздохнул и зажмурил глаза. Мэтр не мигая смотрел в лицо мальчика. Толпа замерла.

– Поверь, – прочла Энвер по губам Бериллио. – Представь. Преврати.

Долгие несколько секунд напряжённого ожидания закончились: мальчишка открыл глаза.

– Проверь коробку, – посоветовал фокусник.

Паренёк под взорами десятков людей снял чёрную согретую ладонью крышку. Тишину рассёк хриплый гортанный крик, и на край коробки взгромоздилась невиданная птица: кривой нос крючком, белоснежные перья, высокий хохолок на темени.

«Попугай!» – Кристоф не мог скрыть восторга.

Толпа возликовала. Попугай, глянув на площадь сперва одним, потом другим глазом, заметил наконец замороженного паренька и боком-боком перебрался сначала к нему на руку, а потом и на плечо. Свежеиспечённый заклинатель расплылся в счастливой улыбке. Но главным триумфатором стал, несомненно, мессир Бериллио. Он несколько раз почтительно поклонился рукоплескавшей публике, затем указал на нового хозяина экзотической птицы и произнёс:

– Границ не существует! Этот мальчик только что совершил чудо!

Разумеется, это было не так. Однако всем было наплевать: в такой вечер как никогда хотелось верить в чудеса.

«А птицу он, поди, в рукаве прятал?» – съехидничал Кристоф.

Энвер не ответила. На её лице явственно читалась досада.

Потом мальчик с птицей на плече сошёл со сцены, и номер фокусника продолжился своим чередом. Было превращение факелов в букеты с цветами. Было пронзание пальцев булавками – без всяких последствий для самих пальцев. Было разъединение сцепленных друг с другом цельных железных обручей. Было прохождение сквозь сплошную деревянную стену. Было исчезновение людей, скрытых занавесом, которые потом обнаруживались в опечатанных ящиках. Было распиливание ассистентки, не проявившей никакого беспокойства по поводу отделения одной половины туловища от другой. Феерия эффектных фокусов и трюков – как самых простых и безобидных, так и сложных, даже опасных – завершилась кульминационным номером, который назывался «Побег от смерти». Мессир Бериллио, связанный по рукам и закованный в цепи, был опущен в стеклянный сундук, который несколько водоносов наполнили водой. Далее сундук заперли амбарным замком и накрыли тёмным покрывалом. Последовало нервное ожидание. Когда прошло две минуты, многие на площади стали подозревать самое худшее, а одна дородная матрона в розовом капоре и чепце даже лишилась чувств. Но тут под покрывалом материализовался человеческий силуэт, а потом и само покрывало полетело прочь. Мастер иллюзий стоял на опустевшей западне живой и невредимый, только мокрый, а на дне сундука лежали не тронутые с виду верёвки и цепи. Такому исходу событий были рады решительно все, особенно приведённая в чувство матрона в чепце. Хмурилась только колдунья из Агентства поиска магических аномалий.

«Ты чего, Эн?» – смеясь про себя, спросил белый маг.

«Я... я... это просто немыслимо! – внутри у Энвер, обычно спокойной, всё клокотало от возмущения. – Как можно рассуждать о явлениях, о которых не имеешь ни малейшего понятия?! Как – скажи, как – этот шарлатан может говорить такое?! Как, прикрываясь великим именем магии, можно делать такие вещи?! Как балаганские фокусы можно обзывать чародейством?! Да кто он такой?!»

– Мессир Бериллио, дамы и господа! – донеслось со сцены.

– Дешёвый шарлатан! – последние слова ведьма выкрикнула, топнув при этом ногой. Стоявшие рядом гости ярмарки шарахнулись в недоумении.

– Воу-воу, Эн, полегче! – напарник приобнял чародейку за плечи, увёл от циркового помоста.

– «Магия – ложь», надо же! Да он сам лгун! Чёрт возьми, я с шести лет занимаюсь волшебством! И уж поверь, мне пришлось кое-чем заплатить за это!

Люди расступались перед странной парочкой. Кристоф привёл кипящую ведьму на окраину площади – туда, где румяные девушки разливали пиво всем желающим, и усадил за один из круглых столов, освещаемых масляными фонарями.

– Две кружки светлого, пожалуйста, – блондинка в белой блузке кивнула чародею, ослепительно улыбнулась и отправилась выполнять заказ. – Ты как, Эн?

К Энвер уже возвращалось её обычное самообладание.

– Это же несправедливо, Крис. Маги существуют уже не один десяток лет, все простые люди об этом знают и давно смирились. Волшебство стало повседневностью, проникло во все

сферы жизни. Сила помогает всем, движет прогресс. Тот же Конвент, хотя я далеко не всегда согласна с его политикой, сумел добиться мира и стабильности после хаоса Войны, когда человечество стояло на грани гибели.

– Если уж совсем по-честному, то именно появление магов ту Войну спровоцировало, – это уже был другой Кристоф – мудрый и рассудительный. – И потом, что тебя так задело? Это ведь шоу. В чём фокус, прости, любого шоу? Правильно, воздействовать на публику. Шокировать её. Чтобы люди были поражены, удивлены и в конечном счёте удовлетворены. И впоследствии ещё не раз платили деньги. Элементарный принцип хлеба и зрелищ.

Блондинка, весьма милая и хорошенькая, принесла и поставила на столешницу две внушительные кружки пенного напитка. Выпрямилась, стрельнула глазками в чародея, застенчиво улыбаясь и накручивая косичку на палец. Кристоф одарил её благодарным взглядом, подвинул к ней по столу талер:

– Сдачи не нужно, леди.

Блондинка зарделась, развернулась на каблучках и упорхнула – не забыв, однако, ладошкой смести монету со стола. Ведьма проводила разносчицу напитков ядовитым взглядом.

– Ишь как бёдрами выписывает. Держу пари, ты этой девице приглянулся.

– Хлебни-ка лучше этого нектара, – Кристоф поднёс кружку ко рту, сделал пару глотков. – М-м! Определённо, изготовители знают толк в напитках.

– Да точно приглянулся. Ты ведь парень хоть куда! – чародейка последовала совету товарища.

– Не отвлекайся. Вернёмся к нашим баранам, – агент поиска магических аномалий поставил кружку на стол. – Вот это пиво – хлеб. На нём заработают пивовары. А действие, что творится вон там, на подмостках, – это зрелище. На нём заработают циркачи. Кто-то уйдёт отсюда при деньгах, кто-то с новыми впечатлениями. Все довольны.

– Я недовольна, – Энвер выпила сразу половину кружки. – Кто давал право каким-то провинциальным ловкачам корёжить столь высокие материи?

– Шоу, Эн. Для воздействия на публику хороши любые средства.

– Только не такие. Есть вещи, которые лучше не опощлять. Это одно из тех правил, что я усвоила ещё ребёнком.

– Я знаю, Эн, – терпению мага не было пределов. – Знаю о трудностях твоего обучения. Знаю, с какими проблемами тебе пришлось столкнуться. Но и ты пойми этих артистов. Им никогда в жизни не достичь и малой толики того, что доступно тебе. Они, в отличие от тебя, так и останутся провинциальными циркачами, обременёнными вечным поиском заработка, беззащитными перед болезнями и разбойниками. Они никогда не познают, не поймут природу Силы – следовательно, никогда не поймут тебя.

– А как же клоуны? Ты ведь понял, по кому они проехали.

– Энвер! Все они останутся на своём уровне, не в силах постичь наш. Потому и критикуют, ругают то, что им чуждо. Тебе же чужд их образ жизни, ход мыслей. Так не возмущайся, не поноси их. Не становись на их уровень, если так веришь в собственную исключительность.

Над столом повисла неловкая тишина. Энвер сразу как-то сникла, огонь в глазах поугас. Кристоф понял, что перегнул палку.

– Эн...

– Исключительность... Ты прав, Крис, – голос ведьмы сделался тусклым. – Что я тут со своей исключительностью? Возомнила себя невесть кем, существом высшего разряда. Завелась из-за пустяка. Тоже мне!

– Эн!

Девушка подняла глаза на своего напарника, и тот не нашёлся что ответить. Над цирковыми шатрами под грохот и крики людей расцветали вспышки фейерверков – представление закончилось.

– Знаешь, Крис, почему я тёмная, а ты светлый? – Энвер положила руки на стол и принялась ковырять засаленные доски.

– Эм-м-м... природа Силы.

– Нет. Просто я во всём вижу только плохое. Вечно подозреваю всех и вся, и только в самом худшем. Ко всем враждебна. А ты веришь в людей, всегда находишь компромиссные решения и, что бы ни случилось, надеешься на лучшее.

Молчали.

Фейерверк закончился. Народ отхлынул от сцены, ярмарка вновь заработала в полную силу. Опять у аттракционов стали вертеться дети, не желавшие отправляться спать. Взрослые – и щеголеватые ковбои в расшитых пончо, и кокетливые мадам в пышных сарафанах – все теперь собирались в очередях за выпивкой: вечер плавно перетекал в ночь, следовало повысить градус веселья. Музыканты, уже успевшие залить за воротник, опять взялись за инструменты. Луна карабкалась по звёздному небосводу, пытаясь соперничать с фонарями и факелами.

– Знаешь, пожалуй, хватит с меня этой ярмарки, – ведьма первой нарушила молчание.

– Уходишь?

– Ага. Устала. Пойду спать.

Кристоф подобрался:

– Что ж, идём.

Волшебница остановила его жестом:

– Брось, Крис. Оставайся. Что я, не доберусь до ночлега, что ли?

– Энвер!

– Серьёзно. Остайся, повеселись хорошенько. Ты заслужил отдых. А мне нужно о многом поразмыслить.

– Ты уверена? – парень выразительно посмотрел на подругу.

Энвер на мгновение накрыла его пальцы своей ладонью.

– Оставайся, не порти себе вечер. Мне правда нужно побыть одной. Спасибо тебе за заботу, – она убрала руку. – Вон, посмотри на ту светловолосую милашку, что приносила нам пиво. Делает вид, что болтает с товаркой, а сама глаз с тебя не сводит. Не разочаруй девушку, пригласи на танец.

Музыканты поймали кураж: энергичная танцевальная мелодия, сдобренная ритмичным боем перкуссии и приправленная стремительными пассажами фиддла, заводила людской водоворот, вовлекая в танец всё новые пары. Волшебница встала из-за стола.

– Ты точно в порядке, Эн? – на всякий случай спросил белый маг.

– В полном.

Перевалило за полночь, когда Кристоф вернулся в салун. Осторожно, стараясь не шуметь, он поднялся по скрипучей лесенке на второй этаж. Тихонько приоткрыл дверь, юркнул в комнату. Повесив шляпу на крючок и стянув сапоги, на ощупь пробрался к кровати, сел. И замер. Лунный свет просачивался сквозь неплотно задёрнутые шторы, чертя бледную полосу на пыльном полу. Света было слишком мало, чтоб рассеять затопивший комнатку мрак, даже очертания предметов угадывались с трудом. Однако чародей понял, что осторожничал зря.

– Не спишь, – констатировал он.

Энвер лежала навзничь на своей постели, закинув руки за голову. Уличную одежду и обувь она даже не потрудила скинуть.

– Как всё прошло? – поинтересовалась девушка.

– Ты о чём?

– Всё о том же.

Ищейка секунду медлил с ответом.

– Сплясали несколько танцев. Показал ей парочку несложных, но настоящих чар. Она меня поцеловала.

– И?

– Звала в фургон за пределами площади.

– И?

– Не пошёл. Вернулся сюда, – просто закончил Кристоф.

Ведьма недоверчиво повернула к нему голову:

– Вернулся сюда? Просто так взял и бросил страждущую?

– А что тут такого?

– Ну ты даёшь, светлый! – расхохоталась чародейка. – Предпочёл её обществу моё!

– Почему бы и нет? Чем она лучше тебя?

– Ну... у неё есть грудь, – резонно заметила Энвер.

– А у тебя – самоирония, – невозмутимо парировал маг.

– В таком случае у тебя она тоже есть, – скрывавшаяся в тени девушка издала смешок.

– Мадемуазель ван Тессел! – притворно серьёзным, полуофициальным тоном заговорил агент поиска магических аномалий. – С тобой я знаком уже давно, а эту прелестницу вижу в первый раз. Мы с тобой прошли немало переделок, плечом к плечу, и всегда прикрывали друг друга. Мы друзья, в конце концов, хоть и из противоположных магических школ. Назови хоть одну стоящую, нормальную причину, по которой я должен был остаться на ярмарке вместо того, чтобы явиться сюда пораньше и удостовериться, что ты цела, невредима и дрыхнешь без задних ног, а не заливаешь своё вечное самокопание джином в компании местных выпивох!

Кристофу показалось, что даже в темноте он отчётливо увидел широкую улыбку на лице напарницы.

– Удостоверился?

– Чёртова ведьма! – буркнул волшебник и откинулся на подушку.

Сон застал Энвер в приподнятом настроении.

Холл большого богатого дома. Воздушная, очень изящная хрустальная люстра под потолком. Горят дорогостоящие электрические лампы, их болезненный свет отражается в паркетных плитах. Стены обиты дубовыми панелями и сукном; на них висят потемневшие от времени картины в рамках из великолепного резного палисандра. Портреты и бюсты на пьедесталах равнодушно осматривают интерьер безжизненными взглядами. Парная, симметричная парадная лестница, закручиваясь дугами, поднимается на второй этаж. На ступенях дорогие ковры, перила сработаны из чёрного дерева. Ни скрипа, ни звука. Величественная тишина.

Доносятся детские крики, смех. Полумрак одного из коридоров на втором этаже лопатется, являя черноволосого мальчика. Он несётся со всех ног, держа над головой, в вытянутой руке, чучело крылатого зубастого ящера. Следом за первым ребёнком бежит второй, чуть младше, и чучело в его руке поменьше. Второй паренёк оглядывается через плечо, что-то выкрикивает. В этот момент из коридора показывается девочка не старше семи лет. Она тяжело дышит, захлёбываясь, отчаянно хнычет, но изо всех сил старается не отстать от старших мальчишек. Однако куда там! Сорванцы вихрем слетают с одной лестницы, столь же стремительно покоряют вторую и на вершине наконец с громким смехом сталкиваются. Следует весёлая возня, дети угрожающе рычат и налетают друг на друга, изображая воздушную схватку игрушечных змеев. В суматохе ни тот, ни другой не замечает, что девочка из последних сил забирается на лестницу, спотыкаясь и падая к ногам мальчишек лишь на последней ступеньке. Никто из паренёков не нагнулся участливо, чтобы помочь девочке подняться и поинтересоваться, не ушиблась ли малышка. Это последняя капля: губы девочки кривятся, и она раздражается рыданиями.

Весёлость мальчишек мгновенно испаряется. Они корчат кислые физиономии; тот, что помладше, закрывает уши ладонями. Самый старший ребёнок, рывком головы отбрасывая назад сползающую на лицо прядь волос, подходит к девочке, нависает над ней.

– Умолкни, сопля! – холодно приказывает он. Непослушная косая чёлка снова падает, пряча один глаз.

– Я... я хочу играть с... с... ва-ами! – не прекращая рыдать, выдавливает из себя девочка.

– Ещё чего не бывало! – это восклицает второй мальчик. Он острижен короче.

– Ты предательница, сопля, – снова говорит старший. – Ты мелкая, несносная, громко орёшь, но не это главное. Ты водишься со светлыми. Это смертный грех.

– Отец говорит: нет греха хуже, чем водиться со светлыми, – вторит старшему младший.

– А раз отец так говорит – значит, ты хуже червяка, – девочка продолжает плакать, но старшего это ничуть не трогает. – Червяка можно раздавить. А ты всё-таки наша сестра. Только поэтому ты ещё не плаваешь в пруду спиной кверху. Так что захлопни свой рот, прекрати выть и скройся с глаз.

– И чтоб мы тебя до конца твоих дерьмовых каникул не видели! – добавляет младший, обрадовавшись возможности ругнуться.

– Н-ну, Ви... Ви-инсент... Ну п... пожалуйста-а!.. – девочка хлопает ресницами, размазывает кулачками слёзы по лицу. Она искренне не понимает, за что её так ненавидят родные старшие братья. – Не... не кричи н... н-на меня-а... Что я вам сде-ела-ла-а-а?!

– Завянь, негодная! – кричит младший. – Спрашивает ещё! Да если бы я чары выучил, я бы светлым сразу задал. Как им всем и надо! А ты... Завянь, сказано! – мальчик замахиывается, намереваясь ударить девочку.

– Постой, Даниэль, – задумчиво произносит старший. – Не бей её. Она всё-таки наша кровь. Я думаю, мы можем дать ей шанс, раз она так этого просит. Слышишь, сопля? – это уже девочке. – Мы можем проявить милость и простить тебя. Ты можешь даже поиграть с нами, один раз. Но не бесплатно. За это ты должна кое-что сделать для нас.

Девочка стихает, хватаясь за возникшую перед ней хрупкую соломинку надежды. Старший наклоняется к ней и шепчет на ухо:

– Ты знаешь, нам запрещено учиться тёмному искусству – всё проклятый Эдикт! Но для тебя по какой-то неведомой милости Великой Тьмы сделано исключение. Ты можешь колдовать и учишься магии благодаря тому, что... (старший хочет сказать «потому, что отцу пришлось пресмыкаться перед светлыми собаками», но вовремя спохватывается). Словом, покажи нам, чему ты научилась. Наколдуй что-нибудь. По-настоящему!

Девочка нерешительно переводит взгляд мокрых глазок с одного брата на другого. Чтобы придать ей уверенности и заставить думать побыстрее, старший хватается за воротник и рывком ставит её на ноги. Мальшика отступает на шаг, но упирается спиной в фигурный столбик лестничных перил.

– Ну! – торопит старший, скрестив руки на груди. С его лица сползает притворное участие, уступая место суровости. Младший щурится.

Девочка, успокоившись, сосредотачивается. Она закрывает глаза, делает глубокий вдох и выдох. Ладони медленно складываются вместе и замирают. Мальчики терпеливо ждут. Секунды тянутся ужасно медленно. Наконец девочка что-то шепчет себе под нос, трёт ладони друг о друга и раскрывает их. Братья вытаращенными глазами смотрят, как в горсти у сестрёнки медленно расправляет крылья едва заметно сияющая полупрозрачная бабочка. Шевельнув усиками, бабочка взвизгивает в воздух, и на восторженном лице девочки расцветает улыбка.

Старший мрачнеет. Он протягивает руку вперёд, словно желая прикоснуться к новосотворённому чуду. Однако в последний момент его пальцы складываются, мальчик щелчком

сбивает бабочку. Фантом мгновенно рассыпается в угасающую пыль. Тень ужаса проносится по лицу девочки.

– Дешёвые балаганные фокусы, – жёстко говорит старший. – Я-то думал, будет настоящая тёмная магия. Боевое заклятье. А ты, мерзкий выкормыш светлых, даже на это оказалась не способна. Ничтожество. Мне стыдно, что ты моя сестра. Идём, Даниэль.

– Идём, Винсент, – младший, напоследок смерив сестрёнку уничтожающим взглядом, разворачивается на каблуках и догоняет удаляющегося брата.

Сердце девочки разбивается, и новый поток слёз более ничто не сдерживает. Девочка стоит, прислонившись к фигурному столбику лестничных перил, и тихонько плачет, глотая солёные капли. Одна в большом, пустом, мрачном, родном, но всё-таки бесконечно чужом доме. Совершенно одна в этом огромном равнодушном мире.

Нет, пока ещё не одна.

– Не плачь, малышка Энви! – ласковый, мягкий и тёплый, как шерстяная шаль, голос. – Не пристало могущественной чародейке, наследнице древнего дома ван Тессел, хныкать подобно обычной маленькой девочке.

Девочка, шмыгая носом, оборачивается на голос:

– Бабушка Верна?

Степенным, но лёгким шагом к девочке подходит старая дама – самая невысокая женщина за всю историю семьи, некогда знаменитая тёмная волшебница из рода ван Тессел, бабушка Верна. Лицо излучает мудрость и доброту. Седые волосы аккуратно уложены и увенчаны шапочкой с короткой вуалью и тёмно-синей шёлковой розой, обрамлённой жемчужинами. Ах, как же девочка скучала по этим горячо любимым сединам!

– Бабушка Верна!

Внучка бросается в объятия бабушки – они не виделись целый год! Слёзы мгновенно забыты. Миссис ван Тессел улыбается, глядя чёрные волосы девочки своей морицинистой рукой.

– Ну-ну, милая, будет, будет. Мои старые кости уже не так крепки, как прежде. Каково тебе будет, когда ты сломаешь собственную грандма?

Девочка целует бабушку, любит её милым лицом. Бабушка довольна.

– Бабушка Верна, я так тебя люблю! Так здорово, что ты тут! Ты единственная, кто меня здесь любит!

Старая леди смеётся:

– Не нужно так говорить, Энви. Родители тебя тоже любят, папа и мама. А ещё братья – хоть им, негодникам, и удаётся это более чем успешно скрывать.

Девочка грустнеет:

– Почему они меня прогоняют, бабушка? Почему обижают? Я ничего плохого им не сделала.

Бабушка качает головой:

– Не сделала, моя маленькая колдунья. Ничего плохого ты ещё никому не сделала. Наверное, Винсенту и Даниэлю как раз это не приходится по нраву.

– Они меня не любят, бабушка! И я их тоже! Ненавижу!

– Не говори так, Энви. Как бы ты ни была далека от мальчиков, они всё ещё твои братья. Не отвечай худым на худое, не бери с них пример. Оставайся хорошей, и, глядя на тебя, они, возможно, поймут свою ошибку и исправятся.

– Но почему всё так, бабушка Верна? – девочка размыкает объятия, сердито топает ножкой. – Почему всё я? Почему я должна учиться, а они нет? Почему я получаю все шишки только за то, что учусь? Почему папа, мама, дядя и тётя, и кузен, и вообще все, почему они заставляют меня колдовать, а потом ругают за это? И почему не ругают противных мальчишек?

Бабушка касается ладонью бледной щеки своей внучки.

– Это очень сложно объяснить, дорогая. Долгая, запутанная история, которая началась ещё до моего рождения...

– Как? Так давно? – удивляется девочка. – Ты же очень старая и давно живёшь.

– Не такая уж твоя бабушка и древняя, – смеётся бабушка. – Когда-то я была такой же маленькой и наивной, как ты. Надеюсь, когда ты станешь старше, то сама всё поймёшь и простишь своих родных. Все они хотят тебе добра. Но и возлагают на тебя большие надежды. Ждут от тебя громких достижений; ждут, что ты снова сделаешь нашу фамилию великой. Давным-давно этого ждали от меня. Я не смогла.

– Но почему, бабушка?

Миссис вам Тессел вздыхает:

– Наверное, потому, что я запуталась. Не знала, какую дорогу выбрать. Металась из стороны в сторону, пока не наделала ошибок. Но я постараюсь не дать тебе их повторить.

– Что же мне делать? – детский голосок звучит растерянно.

– Для начала – следуй своему сердцу, малютка Энви. Никто не подскажет тебе лучше него. Тебе даны особые возможности, и это не случайно. Не злись на своих братьев, они просто завидуют тебе. Мальчики принимают Силу как должное, как нечто, дарованное им безвозмездно. Они думают, что расплачиваться за этот дар не нужно, – и ошибаются. У всего есть своя цена. Магия не терпит легкомыслия: важно знать и понимать, когда ею можно и нужно распорядиться, а когда лучше этого не делать. Потому что каждое колдовство имеет свои последствия. Ты уж поверь: кому, как не мне, это знать.

– Хорошо, бабушка, – кивает девочка.

– Накрепко запомни это, Энви. Твои братья с лёгкостью рисуют себе множество фантазий о том, как могли бы распорядиться магией, но не имеют возможности этого сделать. Поэтому они злятся на тебя. Ты же, наоборот, эту возможность имеешь. И должна сто раз подумать, прежде чем пускать колдовские силы в ход. Твоя бабочка – магия созидания; боевое заклятье – магия разрушения. Это две стороны одной силы, внучка. Между ними узенькая дорожка, на которой стоишь ты. И нужно чётко представлять себе, в какую сторону ты шагаешь и ради чего. Ты поняла меня, милая?

Бабушка внимательно смотрит в глаза своей внучки. Та наконец кивает:

– Думаю, да, бабушка. Я обещаю смотреть за собой и хранить свою Силу. И слушать сердце. И ещё тебя, бабушка Верна.

– Вот и умничка! – старая леди сияет и прижимает к себе внучку столь же крепко, сколь крепко внучка обнимала бабушку несколько минут назад. – Я так и знала, что ты молодец!

В тот день Энвер плачет в последний раз.

Багровый солнечный диск выползал из-за горизонта. Тени, отбрасываемые домами, бледнели, теряя мрак. Пустынный ветер лениво перекатил через улицу шар сухого чертополоха; шар был похож на скелет игуаны, при жизни скрюченной артритом. Становилось теплее. Энвер, прикрыв глаза, с безмятежным видом развалилась на старой рассохшейся скамейке, прилепленной к стенке кассы. Хотя сунутая под голову дорожная сумка примерила на себя роль подушки (понятно, не самой удобной), ведьма была собрана, чувствовала себя бодрой и отдохнувшей. А вот сидевший рядом Кристоф изо всех сил боролся со сном и поминутно клевал носом. Каждый раз, стоило ему на секунду забыться, он сползал по стене, едва удерживался от падения и немедленно вскидывался. Увы, встряски хватало ненадолго, и морфей вновь начинал одолевать чародея.

– Чёрт возьми, этот поезд бессовестно опаздывает! – раздражённо проворчал ищейка, в очередной раз чуть-чуть не рухнув на песок. – Сколько можно ждать? Знал бы, что так будет, – остался бы в кровати.

– И проспал бы отправление, – на губах колдуньи заиграла лёгкая улыбка. – Следующий состав пройдёт здесь только через три дня. Забавно было бы увидеть твою физиономию, обнаружившую, что поезд уплыл из-под носа.

– Держи карман шире! Я волшебник или кто? Думаешь, не нашёл бы способ попасть в вагон?

– Например?

– Украл бы лошадь.

– Тоже мне, команч.

– Ну или купил бы, в конце концов.

– «Коня! Полцарства за коня!» – Энвер приподнялась на локте. – Заметь: швыряемся огнешарами, читаем мысли, заставляем предметы левитировать, а ездим всё равно на лошадях и поездах, как обычные люди. Ирония?

– Ирония, – вздохнув, согласился чародей. – Если пресловутый Сверхнова, таки воплотившись, забегает быстрее лани, его ни за что не поймать – хоть всем агентством лови.

– Факт, песок в пустыне продать проще будет. Но это если Сверхнова вообще когда-нибудь воплотится.

– Если когда-нибудь воплотится...

Разговор увял. Солнце взбиралось всё выше и стало понастоящему пригревать. На веранду похоронного бюро вышел тот самый бородатый старик, что днём ранее встречал приезжих магов звуками банджо. В этот раз старик, усевшись на колченогий стул, достал из глубин своей длинной всклокоченной бороды самодельную деревянную флейту. Зазвучала, переливаясь, неторопливая печальная мелодия. Позёмный ветер гнал вдоль путей облачка жёлто-красной пыли. Кристоф посмотрел в одну сторону железной дороги, потом в другую – ничего, только рельсы, убегающие в обманчиво бесконечную пустыню под высоким выцветающим небом. Облачков дыма – предвестников долгожданного поезда – видно не было.

– Эх, надо было всё-таки ночью отоспаться, – сокрушённо посетовал маг.

– Здравая мысль. Жаль, не ко времени, – прокомментировала напарница. – Меньше надо было на циркачей глазеть да с официантками отплясывать. Вообще, далась нам эта ярмарка... Хотя, надо признать, пицца для размышлений она подкинула.

– А всё местный шериф, – кивнул Кристоф. – Мол, скучно в городке людям вроде вас, сходите хоть на представление. А сон – для слабаков.

– По крайней мере, нам здесь работать не пришлось. А то бы подавно не выспались, – Энвер села прямо, с удовольствием потянулась. – Шериф тот ещё фрукт, но дело своё, по-видимому, знает.

– Дело и жителей. Из местных действительно никто не колдует.

– Угу. Единственный «колдун» здесь – тот шарлатан Бериллио, что фокусы вчера показывал.

Кристоф рассмеялся:

– Ну а то! Недаром шериф нам советовал ярмарку посетить. Доблестный служитель закона сразу учуял неладное и дал ищейкам наводку...

Парень осёкся. На его глазах Энвер вдруг переменилась в лице, улыбка её исчезла.

– Крис, – напряжённо процедила ведьма. – Подумай, что ты только что сказал.

Маг сперва непонимающе прищурился, но через секунду до него дошло. Он раскрыл рот, лицо его вытянулось.

– Эн...

Чародейка вскочила, рывком поставила свою тяжёлую сумку в центр скамейки. Напарник, однако, заколебался:

– Ты... ты что, серьёзно? А вдруг это совпадение?

– Не бывает таких совпадений! – Энвер рванула спицу, распуская волосы.

– И всё-таки! Нельзя просто так хвататься за любую сомнительную вероятность. Мы ж для смеха всё это обсуждали. А ты уже рвёшься искать призраков.

– Я росла в окружении белых магов и привыкла доверять своему чутью, – ожесточённо бросила девушка.

– То есть ты даже не попытаешься проверить свою догадку? – не сдавался Кристоф.

– Именно это я и собираюсь сделать, – спица в руке колдуньи быстро пробежалась по застёжкам сумки. – Поможешь мне поставить новый рекорд?

– Ультраскоп?

Энвер кивнула. Губы светлого мага растянулись в азартной усмешке:

– С удовольствием!

Агенты поиска магических аномалий принялись за дело. Четыре руки замелькали над раскрытой сумкой, из тёмных глубин которой показались части прибора, называемого ультраскопом.

– Я собираю, ты держишь детали, – командовала тёмная волшебница, светлый маг молча выполнял. – Закручивай против часовой... Не скапливай, запутаемся! – Беспорядочное облачко компонентов стало оформляться во вращающееся кольцо. – Давай, раскручивай. Та-ак! Теперь стабилизируй... Я начинаю сборку. – Детальки с непостижимой скоростью вставляли на свои места, повинувшись мелькающим в воздухе пальцам. – Не сбавляй, я подхвачу... Так, теперь поддержи вот здесь... Подавай болты-шестёрки.

– Все подряд?

– Все подряд, я подхвачу.

Два десятка маленьких болтиков пулемётной очередью скользнули к ультраскопу; волшебница безошибочно вогнала каждый из них в нужный канал. Кристоф закусил губу. Энвер была само хладнокровие.

Когда самый сложный механизм был собран и опустился на скамейку, чародей бросил взгляд на циферблат загодя выложенных из кармашка часов.

– Пять минут двадцать шесть секунд! – парень удивлённо присвистнул. – Ставлю месячное жалование, что за нами теперь новый рекорд Агентства!

Энвер взялась за рукоять маховика. Через несколько секунд ультраскоп был готов к работе.

– Я сканирую, – выдохнула чародейка и, не затягивая, вошла в Эфир.

Пересечения многочисленных белых линий на глубоком синем фоне. Каркасы домов, заселённые бело-синими пятнами света и серыми облачками тумана. Знакомая картина. Однако на сей раз она отличалась от той, что накануне видел колдун. На окраине схематичного городка, в том месте, где небольшая клетка примыкала к четырём прямым параллельным нитям, бросались в глаза два чужеродных пятна. Они светились изнутри: один – мягким медовым янтарём, другой – холодным тёмным кармином. Возле пятен у железной дороги, на втором этаже салуна, ещё в паре мест слабо колыхались и пульсировали клубы цветного «дыма» – следы волшбы, сотворённой магами. Янтарный «дым» принадлежал чарам Кристофа. Следы цвета венозной крови оставила магия Энвер. Но вот область на южной окраине Сэндвилла – там, где проходило празднество, – была целиком затоплена стерильным, слепящим эфирный взор колдуньи белым светом. Без единого оттенка или пятнышка.

Чародейка резко вынырнула из Эфира, повернулась к напарнику. Тот понял её без слов:

– Выходит, догадка верна.

Глаза девушки опасно сузились:

– Нова здесь.

Потребовалась минута, чтобы на тонизирующих чарах пробежать весь городок и оказаться у ярмарочной площадки.

– Он всё ещё тут, – уверенно заявила Энвер.

Кристоф вытащил устройство, похожее на компас. Длинная красная стрелка, при отсутствии магических аномалий хранившая неподвижность, теперь тревожно металась то в одном, то в другом направлении.

– Да, – маг убрал детектор в карман. – Мы не знаем его возможностей и предела сил. Какой план?

Ведьма осмотрела повозки и фургончики, заполненные спящими людьми. Кое-кто, расстелив плащи и покрывала, коротал ночь прямо на земле под возами. Музыканты, накрывшись пончо, дружно храпели на собственном помосте. За сценой маячили шатры и палатки циркачей.

В ладони у девушки, будто из ниоткуда, появилась дюймовая обсидиановая снежинка. Ажурные лучи сверкнули острыми гранями.

– Выводи по-тихому всех, кого успеешь. Я поставлю завесу.

Кристоф рысью метнулся к фургонам. Энвер прикрыла глаза, вслушиваясь в себя, в бие-ние Силы, что струилась в её жилах. Завеса Аль Сафира, тёмного заклинателя далёких заокеанских пустынь, требовала некоторых усилий и определённого мастерства. Но необходимо было кое-что ещё. Ладонь с обсидиановой снежинкой сжалась в кулак. Хрустнули ажурные лучи, в песок упали первые капли крови. Чародейка запрокинула голову, выкрикнула в небо формулу заклинания – на языке, которого Великие Прерии никогда не слышали. Резкий взмах пораненной ладонью вправо, затем влево: горячие брызги сорвались с пальцев, хлестнули багровыми дорожками. Чародейка развела руки в стороны, сделала такое движение, будто, манипулируя деревянными крестами, поднимала с земли кукол-марионеток. Пролитая кровь зашипела, вспыхнула фиолетовым пламенем. И завеса начала расти.

Обычному человеку не было бы видно ничего, кроме дымящихся остатков крови и застывшей – растворившейся в заклинании – волшебницы. А перед внутренним взором Энвер из кровавых дорожек проросли матово-чёрные суставчатые щупальца, двигавшиеся с омерзительной резкостью, механически. Щупальца, напоминая лапки насекомого, уперлись прямо в воздух и поползли вверх и в стороны, точно тараканы по стеклу. Количество щупальцев хаотично множилось по мере их продвижения; промежутки между ними мгновенно затягивались чёрной плёнкой, скрывая фургоны и повозки. Менее чем за минуту из ведьминой крови и магии сам собой соткался непроницаемый чёрный купол, целиком накрывший весь отведённый под ярмарку пустырь. Теперь без ведома девушки ни один чародей не смог бы ни покинуть пределов завесы, ни попасть внутрь.

Энвер проникла под купол. Сразу сделалось сумрачно, солнечный свет стал тускло-жёлтым, краски померкли и потеряли контрастность. Люди, ночевавшие на площади, просыпались, тёрли глаза и ошалело крутили головами; они не понимали, что происходит. Некоторые уже спешили покинуть пределы купола – Кристоф старался как мог. Ведьма, контрастируя с тревожной растерянностью обывателей, уверенными шагами пересекла ярмарочную площадь. У стоянки цирковых артистов было подозрительно тихо и пусто. Энвер остановилась, собралась, обостряя органы чувств до предела. Теперь она напоминала пантеру, готовую к броску. Осторожно приблизившись к ближайшему шатру на несколько шагов, ищейка что есть сил закричала:

– Именем магического Конвента, согласно букве Эдикта и по воле Высокого Трибунала, я – агент особой службы – приказываю тебе, нова: сдавайся!

Неестественное эхо заметалось по окрестностям. Голос чародейки звучал сильно и властно; колдовская энергия, вложенная в слова, подавляла волю, подчиняла дух. Любой обычный человек после этого выкрика уже рухнул бы к ногам колдуньи, точно побитая шавка, и сознался бы во всех мыслимых грехах. Но теперь никто не отозвался. Лагерь казался притихшим, настороженным. Будто вымер. Подождав немного, девушка закричала вновь:

– Последнее предупреждение: стихийный магический дар опасен! Нова, ради всеобщего благополучия требую немедленно сдаться; в противном случае я буду вынуждена применить силу!

И опять тишина. Девушка нахмурилась.

«Ну ладно!»

Она шагнула к шатру и откинула край полотна.

Плотное тёмное облако, хлопая множеством крыльев, с пронзительным писком ринулось на неё из глубины временной постройки. Десятки летучих мышей, взявшихся невесть откуда, накинудись на чародейку. Энвер отшатнулась, рефлекторно прикрыла лицо – маленькие острые зубки и коготки норовили расцарапать кожу, добраться до глаз. Мельтешащие тельца летунов заслоняли обзор. Но замешательство ищейки длилось лишь пару секунд.

«Ах так?!»

Ведьма зло вскрикнула, махнула руками раз, другой: с кончиков пальцев сорвались длинные языки пламени, разом вспоровшие агрессивную стаю и рассеявшие её. Две дюжины рукокрылых, сторевших заживо, обугленными комочками рухнули на песок; уцелевшие особи в ужасе бросились врассыпную. Через пару секунд летучих зверьков и след простыл. Помятая и разозлившаяся волшебница сплюнула, одним прыжком преодолела дистанцию до шатра. Нырнула внутрь, тут же едва не споткнулась о лежавшие у входа ящики. Выругавшись, Энвер отвела в сторону раскрытую ладонь, в которой с характерным сухим треском вспыхнула небольшая светящаяся сфера – «карманная» шаровая молния. Мертвенный голубой свет выхватил из мрака, заполнявшего сооружение, нагромождения разнообразной цирковой утвари. Присутствия людей не ощущалось.

– Зачем вы сюда пришли? – вдруг донеслось из темноты.

– За тобой, – не помедлила с ответом волшебница.

– Что я сделал?! – в дрожащем голосе новы проступали истеричные нотки. Энвер pokrутила головой, но определить, откуда исходят крики, не смогла.

– Пока ничего плохого. Но это здесь, при нас. Молись, чтобы твои фокусы не оставили чёрного следа в других местах!

Вверху что-то сухо щёлкнуло, и на ищейку рухнуло косо гильотинное лезвие. Девушка среагировала молниеносно, опережая смерть на какие-то доли секунды. Она рванулась вперёд, заваливаясь на землю, упала, перекатилась и почувствовала, что вниз головой проваливается в яму, которой секунду назад перед ней не было.

Удар о дно получился серьёзным, на миг потемнело в глазах. Впрочем, в яме действительно было темно. Темно и очень тесно. Энвер, морщась от боли в ушибленном плече, неловко повернулась и ткнулась коленом в стенку. Ценой некоторых усилий ей удалось вернуть небо и землю на свои места и встать наконец на ноги. Затеpliant небольшой огонёк в ладони, чародейка обнаружила, что оказалась в узком деревянном ящике, пугающе похожем на гроб, поставленный на попа.

– Что за чёрт?! – выругалась «погребённая заживо».

Ящик казался глухим, без каких бы то ни было намёков на петли или запоры. Тем не менее, бегло осмотрев свою ловушку, девушка обнаружила у самого «пола» узкие тёмные щели, оставленные неплотно сколоченными досками. Через эти щели вдруг очень некстати начала интенсивно сочиться вода. За пару секунд её уровень в ящике поднялся до щиколоток.

– Э-э, нет! Утопить меня вздумал?!

Чародейка уперлась ногами и спиной в противоположные стенки стремительно затапливаемой камеры. Зависнув таким способом над приближавшейся поверхностью воды, Энвер протянула руки вниз, трижды встряхнула пальцами и произнесла заклинание. Из ладоней вырвались струи чародейского льда, ударили по водяной плёнке; та, яростно шипя и потрескивая, попыталась сопротивляться, но в итоге быстро сдалась. Когда осел конденсат, ведьма мягко опустилась на сплошной ледяной монолит.

«А вот теперь выходим отсюда».

Девушка сжала кулаки и резко ударила ими в противоположные стенки «гроба», усилив действие мощными психокинетическими импульсами. Ящик, непостижимым образом оказавшийся за пределами шатра, с оглушительным хрустом разлетелся на части. Обломки досок повалились на площадь в радиусе двадцати пяти ярдов от эпицентра взрыва. Ледяной блок мгновенно раскрошился в пыль. Упав на взбудораженный песок, Энвер вскинула голову: она почувствовала новую опасность, но в этот раз отреагировать не успела. Из-за ближайшей фуры на неё бросились два лассо. Оба достигли цели, обхватив руки и грудь чародейки. Верёвки, сплетённые из магического пламени, двигались, точно живые змеи, проворно обвивая тело жертвы и сдавливая свои кольца всё туже. Энвер дёрнулась, пытаясь вырваться, но заклятия не получилось: пламя верёвок, хотя и было холодным, заполнило голову жгучей болью. Эта боль путала мысли, гасила сознание. Мутным взором волшебница увидела вышедшего из-за укрытия нову. Мес-сир Бериллио, из рукавов которого тянулись злосчастные верёвки, медленно приближался, совершая управляющие магическими арканами пассы.

– Не стоило вам трогать меня! – на лице фокусника, как и в его голосе, удивительным образом смешались страх и торжество.

– Мы... ещё... не начали... – сквозь зубы выдавила Энвер.

– О нет, мисс, я не позволю вам забрать мой дар! – нова усилил давление. Ищейка упала на колени, трята остатки сил на то, чтобы не провалиться в беспамятство.

Но тут из-за помоста музыкантов показалась долговязая фигура напарника. Светлый маг, скрючившись, выбросил вперёд правую руку, будто метнув что-то. Прямой жёлтый луч без видимых усилий разрубил обе верёвки разом. Мучившие девушку петли лопнули, рассыпавшись на тысячи миниатюрных, мгновенно гаснувших звёздочек. Откат магического контр-удара швырнул застигнутого врасплах нову на землю. Агент бросился к своей поверженной спутнице. Несколько секунд, потраченных Кристофом на приведение ведьмы в чувство, фокусник использовал как нельзя лучше. Быстро оправившись, он вскочил на ноги и пустился наутёк. Этот маневр первой заметила Энвер, пришедшая в себя.

– Уходит, гад! – воскликнула она.

Кристоф обернулся, выхватил из чехла на поясе эбонитовый стек. Крикнув заклинание, маг хлестнул воображаемым продолжением стека по песку у себя под ногами. Невидимая волна рванулась от сапог чародея к удиравшему противнику, мгновенно догнав и перегнав его. Перед иллюзионистом вздыбилась песчаная стена: высокая, толстая, монолитная с виду. Нова затормозил, едва не врезавшись в неожиданную преграду, затравленно обернулся. Энвер уже поднималась, готовая атаковать. Бериллио, однако, вновь преподнёс сюрприз: швырнув что-то на землю, мессир за долю секунды скрылся в компактном облаке густого тумана – точно такого, какой скрывал чародея вчера, в начале выступления. Запущенная волшебницей шаровая молния насквозь пронзила туманную пелену, оставила в ней аккуратную круглую дыру и взорвалась, столкнувшись с возведённым светлым магом песчаной стеной.

– Крис! – рявкнула Энвер. – Твою мать, ты чем занимаешься?!

– Жизни спасаю! – огрызнулся парень. – Твою вот спас!

Ведьма усилием воли подавила рвущееся наружу раздражение. Злиться на партнёра она не имела права. За всё время поединка ей не встретилось ни одного человека – значит, свою

первую задачу Кристоф выполнил превосходно. Кроме того, он действительно оказался рядом чертовски вовремя.

«Теперь мы знаем его стиль, – телепатический голос чародея вновь «звучал» ровно. – Ему не хватит фантазии отразить неовеществлённую магию. Используй заклятия поизощрённое, успевай атаковать первой. Инициатива и напор – победная тактика для нас».

«Смыться ему не даст завеса, – добавила Энвер. – Разделимся и прочедем площадь. Либо его найдём мы, либо он упрётся в купол».

Кристоф кивнул, растворился среди осиротевших палаток и навесов. Ведьма осталась в одиночестве. Вновь под чёрным куполом стало тихо. «Это всего лишь иллюзия, – подумала девушка. – Наколдовать настоящую невидимость ещё никому не удавалось. Значит, этот прохвост где-то прячется. Отвёл нам глаза и затаился. Ну что ж, есть у меня и на такой случай приёмчик». Подобно Кристофу, у тёмной чародейки на поясе висело несколько чехлов и подсумков – «оперативный набор инструментов на все случаи жизни», как его некогда прозвал один из комендоров агентства, их с напарником куратор Арман Жиро. Каждый агент-ищейка подбирал содержимое набора по своему усмотрению. В этот раз колдунья извлекла из подсумка мешочек с мелким лиловым порошком – основным компонентом заклинания «Кольцо сумерек». Развязав мешочек, его владелица произнесла формулу и повернулась вокруг своей оси на триста шестьдесят градусов, рассыпая порошок. После этого Энвер присела на одно колено, сложила вытянутые руки вместе и резко развела их в стороны. Кольцо серого дыма с тихим шорохом окружило волшебницу и стало наращивать свой диаметр, редая и истончаясь. И без того тусклые краски предметов пропали совсем, цветовая гамма дня сделалась монохромной – побочный эффект Кольца сумерек. Эффект краткосрочный, зато в течение нескольких минут любая творимая под куполом волшебная будет видимой простым зрением даже сквозь предметы, причём только для тёмного мага, что давало последнему неоценимое преимущество. Теперь, полностью уверенная в себе, ищейка двинулась на поиски новы.

Кристоф шёл вдоль края купола. У него не было тех возможностей, какими располагала Энвер; но он всё же мог рассчитывать на её своевременный сигнал и показания «компас» – детектора магических аномалий, лежавшего на ладони. Было ещё одно чувство, привилегия светлого мага: когда тот максимально сосредоточен и «вслушивается» в Эфир, то может уловить дрожь тончайших «эфирных струн», вызванную сколь-нибудь значительными подвижками Силы. Так случилось, что в этот раз все три сигнала сработали одновременно. Волшебник воспринял, как по идеальной глади «эфирного озера» (так фантазия рисовала абстрактные, в общем-то, явления) пошла рябь. Низкочастотный гул, слышимый не ушами, но всем телом, накатил откуда-то спереди, вызвав неприятные ощущения. Судорожно задёргалась в испуге стрелка детектора, дотоле лишь вяло трепыхавшаяся. Одновременно со всем этим Кристоф услышал телепатический голос Энвер:

«Купол ходуном ходит! Нова прорывается наружу у входа!»

«Я уже там!» – отозвался волшебник, ускоряясь.

Обогнув последнюю в ряду повозку, Кристоф выбежал на небольшой свободный пятючок перед сколоченными сутки назад воротами ярмарки. В пыли у ворот барахтался, запутавшись в собственном плаще, мессир Бериллио. Очевидно, он попытался пройти завесу Аль-Сафира, даже не догадываясь о её существовании. Невидимый барьер просто оттолкнул незадачливого циркача, попутно наградив лёгким оглушением и отправив колдунью тревожный сигнал. Кристоф поторопился сократить дистанцию до новы, надеясь на полученный при столкновении с завесой шок. Но и тут фокусник показал, что голыми руками его не возьмёшь. Почувствовав (или просто услышав) приближение мага, мэтр прекратил трепыхания, вскинулся, протянул к ищейке свои объёмистые рукава. Кристоф, уже перешедший на бег, сделал руками жест, напоминая «разрывание пасти льву», – это его и уберегло. Два одновременно грянувших взрыва извергли из рукавов Бериллио раскалённые пороховые газы (по привычке изрядно сдобрен-

ные серпантинном и конфетти). Убийственные струи, выпущенные почти в упор, натолкнулись на золотистую полупрозрачную линзу щита, выколдованного агентом в последний момент. Щит не выдержал, раскололся, но дело своё сделал. Глаза фокусника расширились от ужаса, когда прямо на него из порохового дыма вывалилась долговязая фигура светлого мага. Нова ничего уже не успевал сделать; впрочем, не стал сейчас колдовать и Кристоф. Он просто наотмашь ударил циркача по лицу. Брызнула кровь, мессир Бериллио повалился на спину. Светлый маг уселся на растерявшегося противника верхом, продолжая молотить кулаками. Растерявшегося? О нет! Что-то выдернуло фокусника из-под Кристофа, да так резко и неожиданно, что маг едва не потерял равновесие. Обернувшись, ищейка увидел уже поднявшегося на ноги нову. Одной рукой зажимая разбитый нос, грязный, ободранный Бериллио прибег к испытанному трюку: бросил себе под ноги скомпрессированный туман, в клубах которого имел обыкновение исчезать.

– Не-а! – азартно выкрикнул Кристоф.

Он вытянул руки, растопырил скрюченные пальцы, будто стискивая невидимый мяч. Сработало: туман, на месте которого ещё секунду назад стоял фокусник, перекрасился, из бесцветного стал медным. Он попытался было расползтись, рассеяться, но ищейка сильнее сдавил воображаемую сферу, и волшебный туман уплотнился, приобретая формы человека.

– Заклинания можно оборачивать вспять. Тебе ведь об этом никто не говорил, да?

Туман окончательно оформился в тщедушное тело мессира Бериллио. Кристоф хлопнул в ладоши, и фокусник, обретя плотность, обессиленно рухнул на песок. Ищейка шагнул в его сторону. Одуревший от произошедшего, нова стоял на четвереньках и надсадно кашлял. Вспомнив про волшебника, циркач неловко приподнялся, сорвал с плеч державшийся на честном слове плащ и швырнул его в агента. Кристоф без труда увернулся, навис над скорчившимся оппонентом. Тогда хитрый мессир сгрёб ладонью пригоршню песка; песок тут же полетел в лицо ищейке. Глаза обожгло. Кристоф отпрянул, заморгал, потеряв концентрацию. Нова немедленно перешёл в наступление. Едва различив тусклый блеск воронёной стали, чародей машинально дёрнулся назад – в дюйме от его носа пронёсся трёхфутовый диск циркулярной пилы – в замешательстве отступил на два шага, запутался ногами в плаще фокусника и рухнул навзничь, ударившись затылком о землю. В голове будто бомба взорвалась. Почти ослеплённый попавшим в глаза песком, оглушённый падением, маг поменялся ролями с Бериллио. Кристоф почувствовал, как верёвки оплетают его тело, поднимают, ставят на ноги. Верёвки эти горели холодным магическим огнём.

– Не нужно было меня трогать! – дребезжащий от напряжения голос фокусника сорвался на фальцет. – Вы первые всё это начали!

Огненные петли стягивали агента всё туже. Сознание начало угасать, подавляемое навалившимся невесельем откуда магическим грузом. Кристоф стиснул зубы, зарычал. Бериллио только добавил Силы в своё заклинание.

– Надо было оставить меня в покое! – твердил он, не заботясь о том, слышит ли его терзаемый маг или нет. – Пройти мимо! Я не хотел всего этого! Вы меня вынудили! Слышишь, колдун?! Вы меня...

Тут мессир жутко захрипел, белки его глаз затопила чернота. Чары огненных силков развалились. Освободившийся от удушающей хватки светлый волшебник, теперь уже в свою очередь, опустился на песок. Бериллио хрипел, его била мелкая дрожь. А всё оттого, что позади него стояла Энвер. Большим пальцем левой руки касаясь затылка фокусника, а пальцем правой – первого шейного позвонка, ведьма беззвучно шептала текст парализующего проклятия. Повинуясь могущественной тёмной магии, фокусник на время потерял волю и уподобился бездушной тряпичной кукле. Энвер плавно опустила нову на колени.

– Крис... – сдавленно промолвила девушка. – Давай...

Кристоф пошарил за пазухой и достал небольшую шкатулку. Шкатулка была выполнена в форме вытянутого октаэдра и состояла из двух равных частей. Лакированные грани покрывала вязь узорной резьбы, на одной из вершин поблёскивал алмаз. Именно его светлый маг направил прямо в грудь Бериллио.

– Мудростью магического Конвента! – твёрдым, звучным голосом заговорил ищейка, глядя на трепещущее тело фокусника. – Волей Высокого Трибунала! Духом непреложного Эдикта! Во имя равновесия Силы – я забираю твой стихийный магический дар, нова! Сейчас и навсегда!

С этими словами (которые, несмотря на высокопарный слог, являлись закреплённой Конвентом формулой специализированного заклинания) Кристоф повернул одну половину шкатулки вокруг своей оси. Обе половины встали как надо, резные линии узора на них совпали. Алмаз сверкнул в лучах солнца, засиял изнутри. Нова зарычал, забулькал, выгнулся дугой: из груди циркового артиста с режущим уши визгом и скрежетом вырвался зигзаг чародейской молнии. Эта молния ударила в алмаз, заиграла изломами; обвиваясь вокруг неё, как побеги плюща вокруг тычины, от мессира Бериллио к волшебной шкатулке поползли белесые лоскуты неясных фантомов. Так частицы могущественной Силы покидали своего нечаянного обладателя. Так обрывалась спонтанно возникшая связь новы с Эфиром.

Всё закончилось. Поток энергии иссяк. Треск пробивавшегося в реальность Эфира сменился тишиной, нарушаемой только негромким шёпотом ветра. Тело фокусника бесформенной грудой распласталось на земле. Кристоф, сидя в пыли, опустил руки со шкатулкой, поднял глаза на девушку. Ведьма, сторбившись, упиралась ладонями в колени. Оба волшебника глубоко и часто дышали. И молчали, не в состоянии что-либо произнести.

– Один – один, – выдохнул наконец светлый маг. – В расчёте?

– В расчёте, – кивнула Энвер и тяжело опустилась на песок.

На пустыре, оборудованном под нужды ярмарки, собрался весь городок. Зеваки тянули шеи, силясь разглядеть подробности происходящего, первые ряды своими громкими комментариям лишь подливали масла в огонь всеобщего любопытства. Добровольные помощники шерифа, организовав подобие оцепления, безнадежно проигрывали числом; если бы толпа зевак испытывала особое желание соваться в волшебные дела, усилия служителей закона не стоили бы выеденного яйца. Но толпа такового желания не испытывала. Мэр Сэндвилла, бедняга Тисл, уже был посвящён в суть разыгравшихся событий и теперь из кожи вон лез, пытаясь одновременно успокоить и возмущённых торговцев, чьё имущество пострадало в ходе чародейских поединков, и разгневанного директора цирка, труппа коего понесла столь внезапную и невозполнимую потерю. Ищейки стояли, прислонившись спинами к подмосткам, и угрюмо взирали на скучившуюся в сторонке цирковую братию. Мины артистов, неосознанно жавшихся друг к другу, выражали полный спектр негативных эмоций, от шока и растерянности до искреннего страха. Особенно Энвер не нравились выражения лиц вчерашней клоунской троицы: глаза тех лицедеев, что накануне изображали волшебников, прямо-таки пылали классовой ненавистью. Ведьма была готова дать руку на отсечение, что, если б кто-то вдруг сделал равными шансы ищейек и клоунов, последние почти наверняка решились бы на очень глупый, чреватый последствиями поступок. Что касается настроения остальных людей, собравшихся на площади, то неприязнь к магам, пожалуй, была преобладающей эмоцией. От атмосферы праздника, радушия, благожелательности не осталось и следа. Девушка отметила, что, хотя утренний поезд они всё же упустили, задерживаться в городке стоило ровно на столько, сколько потребуется для сдачи дела местным властям, и ни на минуту дольше.

Между чародеями, сидя на штабеле приготовленных для сцены, но не пригодившихся досок, давился слезами мессир Бериллио. А точнее, Билли Чакрей, помощник стряпчего из Нью-Дигби, что на реке Томпсон. Как выяснилось, этот славный, но совершенно не любив-

ший юриспруденцию малый долгие годы влачил существование простого служака. Мечтая сизмальства о карьере известного циркового артиста, парень не отличался рвением и способностями в той области, в какой вынужден был работать, и от этого жизнь свою видел совершенно несчастной и беспросветной. Связанный обстоятельствами, ненавидевший свою работу Билли был слишком нерешительным, чтобы что-то радикально изменить в текущем порядке вещей. Ему не доставало авантюризма. Мистер Чакрей так бы и остался прозябать в провинциальном городе, если б однажды не проснулся новой – волшебником со стихийно проявившимся магическим даром. Остальное пошло само собой: быстро осознав (но недооценив) простор открывшихся возможностей, Билли принялся тайно оттачивать своё мастерство. Оттачивать с той стороны, которая была ему близка, – фокусы и магия иллюзий. Владение Силой придало новообращённому чародею уверенности, и однажды, решившись, он сбежал. Это был самый трудный шаг; после него найти подходящий цирк, поразить способностями его руководство и добиться успеха было делом времени.

Всё это рассказал сам Билли, когда пришёл в себя. Параллельно Кристоф зондировал лишённого связи с Эфиром нову и в результате установил, что до сих пор магию во вред другим людям фокусник не применял. Никогда.

Тут Билли поднял голову – цепь наручников при этом тоненько звякнула.

– Зачем вы так? – с горечью обратился он к ищейкам, хотя смотрел прямо перед собой. – Зачем вы так со мной?

Энвер зло сплюнула:

– Затем, чтоб все спрашивали.

– Эн! – предостерег Кристоф.

– За что? – снова спросил, всхлипнув, бывший мессир. – Я же никому... ничего...

– «Никому, ничего...» Ты ведь знал, кто такие ищейки, Билли. Знал, что они делают, какую работу выполняют. Об этом вообще все знают! Не могут не знать!

Артист с загубленной карьерой пробурчал что-то невразумительное.

– Это же закон, Билли, – казалось, теперь Энвер говорит больше для себя, чем для законного в наручники фокусника. – Так в Эдикте прописали сто лет назад. Новы – стихийные маги с трудноуправляемым даром. Они не знакомы с правилами волшебников. Не обучены управлению Силой, не понимают её природы. Не знают теории, элементарных принципов построения заклинаний и чар. Для таких, как ты, магия – это свалившееся на голову чудо, с помощью которого удобно душить людям головы – к примеру, показывать фокусы. А если что-то пойдёт не так? В один прекрасный день ты бы распилил ассистентку в ящике. И никак не смог бы этого поправить.

– Это н... несправедливо! – Билли вновь разразился рыданиями.

– Знаю, – проворчала тёмная колдунья. – Жизнь вообще полна несправедливостей.

– Зря ты в бутылку полез, Билли, – утомлённым голосом вставил Кристоф. – Почему не сдался по-хорошему? Тихо-мирно забрали бы у тебя Силу и разошлись. Нашёл бы ты себе обычную работу, женился б. Жил бы как все обычные люди. Но теперь... Соппротивление спецслужбам Конвента – не шутки. Закон есть закон. Тебя, конечно, отпустят рано или поздно. Скорее даже рано – всё-таки без тяжких последствий обошлось. Но отсидеть положенное придётся. И компенсации за изъятие Силы ты не получишь. И жизнь твоя теперь уже никогда не станет прежней, увы, – светлый маг беспомощно развёл руками.

– Шериф освободился, – бросила девушка, отрываясь от сцены.

– Иди, я догоню, – Кристоф подождал, пока напарница отойдёт на пару шагов, и тихо сказал: – Знаешь, есть такой фокус с отрыванием большого пальца? В нём нет ни грана магии. Попробуй начать с малого.

Несчастный Билли посмотрел на мага блестящими от слёз глазами.

– По крайней мере это шанс, – поспешно добавил ищейка, отвернулся и присоединился к напарнице.

Она уже стояла рядом с шерифом. Тот, несмотря на сумбур и суету минувшего утра, остался невозмутим.

– Поймали, значит. Нашли, – констатировал он.

– Нашли, – согласилась Энвер. – Больше он не опасен. Мы отняли у него Силу.

– Отняли, – понимающе кивнул шериф. – Стало быть, сдадите её в архив как вещдок?

Ведьма поморщилась:

– В спецхранилище. Но вам эти подробности знать не обязательно.

– Нет так нет, и ладно. Что теперь я должен делать?

– В принципе, ничего особенного, – ответил Кристоф. – Просто подержите мистера Чакрея под надзором, ограждая от всяческих треволнений до того, как за ним прибудет экипаж из ближайшего крупного города. Дешешу мы отправим, как только сможем.

– Приедут обычные люди.

– Ну да, не маги, – согласилась чародейка, слегка удивлённая пронизательностью собеседника. – Но... служащие Конвента. Они его увезут на разборательство.

– Аналитики Агентства занесут его в реестр, – принялся перечислять Кристоф. – Эфирный и астральный слепки снимут. Допросят ещё несколько раз. Потом короткий, быстрый суд – и всё. Как-никак, этот нова не был злодеем, Высокий Трибунал не будет судить его слишком строго. В любом случае, после сдачи его работникам Конвента ваша роль будет сыграна.

– Отлично. Побудет бедолага пока что в участке. Накормим, оденем. В нужные руки передадим. С циркачами и с местными жителями все дела как-нибудь уладим, нам со стариной Тислом не впервой... Итак, у меня к вам двоим вопросов больше нет.

Энвер нахмурилась:

– У меня к вам есть один вопрос, шериф. Если позволите, конечно.

– Вы – ищейки, – хохотнул блюститель закона. – Волшебники из спецслужб. Вам ли спрашивать позволения? Ладно, шучу! Конечно, я отвечу, спрашивай.

– Кто вы такой?

Кристоф повернулся к напарнице, вопросительно повёл бровью. Удивился и шериф:

– Что?

– Я тут обдумала всё случившееся в Сэндвилле, – заговорила девушка. – И хотела бы прояснить некоторые странности. Незначительные, на первый взгляд, странности, так или иначе касающиеся вас, как то: шериф, умеющий читать и грамотно писать, но маскирующийся под рядового реднека. К слову, маскирующийся скверно. В таких захолустьях законники порой только стрелять да ругаться умеют, и мало кто из них помнит содержание Эдикта. Тем более документ этот в первую очередь издан магами для магов.

Шериф, прищурившись, слушал ведьму. Не перебивал. Ведьма продолжала:

– Вы сразу, при первой встрече, отсоветовали всякую проверку аборигенов, утверждая, что незарегистрированных чародеев здесь нет. Откуда вы могли это знать? Маги умеют скрываться, если захотят, и порой очень изобретательно: мистер Чакрей тому пример. Простому человеку легко проморгать волшебника у себя под носом, однако ваша уверенность в поселенцах оказалась воистину непоколебимой. При этом вы же порекомендовали ищейкам прийти на вечернее празднество. И надо же такому случиться, именно там обнаружился нова. Один из тех, кого ищейки обязаны ловить по долгу службы. Совпадение? Не думаю. В этот список можно добавить ещё пару фактов: вы знали, что извлечённая Сила никуда не исчезает, как все думают, а хранится в надёжных местах; вы знали, что обезвреженного фокусника будут увозить не-маги. Знали – но прикинулись, будто впервые имеете дело с агентами и новами. Слишком много странностей для шерифа из заштатного городишки. Нет сомнений, что вы – не волшебник; но при этом человек всё же далеко не простой.

Блюстителю порядка молчал, но его лицо тронула тень улыбки.

– Так вот, господин шериф, вы мне совершенно непонятны. Не люблю непонятного, и любому другому давно залезла бы в башку. Но коль скоро вы были с нами вежливы, я решила проявить ответную вежливость и спросить напрямую. Итак, шериф, кто вы такой?

Кристоф не ожидал столь витиеватых изобличительных речей от напарницы. Но подозрения её счёл обоснованными, поэтому не стал долго удивляться и, следуя примеру Энвер, испытующе воззрелся на шерифа. Тот крикнул, сдвинул с макушки шляпу.

– Ну точно ищейки, ничего не скажешь, – вопреки опасениям, в голосе «допрашиваемого» отсутствовала настороженность. Наоборот, служитель закона как будто даже обрадовался тому, что услышал. – Моё имя – Генри Кидд, оно вам вряд ли о чём-то скажет. Двадцать лет назад я работал в канцелярии Конвента, в городе Нексингтон. И однажды проснулся новой.

Тут шериф не сдержал усмешку: надо было видеть, как его слова отразились на лицах ищеек.

– Правда ваша: хоть и работал плечом к плечу с колдунами, о колдовстве не имел ни малейшего понятия. Дар помог мне сам. Я как-то постепенно понял, что могу исцелять: останавливать кровь, затягивать порезы... Само собой, с работы сразу ушёл. Потому как знал, что делают с ногами, и судьбу их повторять не хотелось. Больше того, сбежал из города в какую-то несусветную глушь в горах, почище этой. Какое-то время я жил там, втихую развивая чудесный талант. И помогал местным – конечно же, даром. Подрабатывал дровосеком; доход скромный, но пропасть мне не давала человеческая благодарность. Целительство само по себе имеет немало плюсов, а хиллбилли не такие уж дикие, как принято считать. Я заработал почёт, уважение и полюбил местечко, приютившее меня. И хранившее мою тайну. Да, то были славные времена, по-настоящему счастливые...

Генри Кидд посмотрел куда-то вдаль, улыбнулся воспоминаниям.

– Один-единственный раз я выбрался в «большой мир»: друзья уговорили поехать с ними по делам. На улице того города, где мы оказались, почтовый дилижанс задавил девочку. У нас на глазах. Она была вся переломана; жизнь покидала её вместе с кровью так быстро, что сомнений не оставалось. Девочка умирала, и никто не мог ей помочь. Кроме меня... Никогда не забуду, как бедняжка, только что висевшая над пропастью, на моих руках открыла глаза и начала дышать. – На краткий миг лицо шерифа посветлело, морщины разгладились. – Она была спасена, и это видели многие. Вечером того же дня за мной пришли ищейки. Я не пытался скрыться, не сопротивлялся – знал, что бессмысленно. Сперва было больно, потом стало пусто. Потом – страшно. Конвой, допросы, профессиональное равнодушие аналитиков... – короткий вздох. – Но меня быстро оставили в покое. Какое-то время мотался из стороны в сторону, пока однажды не осел здесь, в Сэндвилле. Меня избрали шерифом – надеюсь, ожидания оправдал. Вот, в общем, и всё.

Агенты поиска магических аномалий молчали. Это молчание почему-то казалось им неловким.

– Я ни разу вам не солгал, – негромко, но твёрдо заявил шериф. – Я уверен в жителях Сэндвилла, так как знаю их много лет. Без всяких магических тестов, а просто, почеловечески. Кто приедет в составе цирковой труппы, я не знал. Если б узнал, не счёл бы нужным его предупреждать. Но и наводить на его след ищеек – а вы, наверное, думали о таком – тоже не стал бы. Почему? Потому что... Знаете, у каждого своё понимание магии, своя точка зрения. Как по мне, магия – это особая способность людей делать то, что они могут и умеют. Кто-то показывает фокусы, кто-то фокусников ловит – это не важно. Важно, что дар не должен пропадать попусту; каждый обязан пустить его в ход, обязан быть на своём месте и делать то, что требуется. Тогда, на той городской улице, я сделал то, что требовалось. Ни капли не жалею об этом. И если б мне выпал шанс вернуться назад во времени и вновь делать выбор между жизнью девочки и колдовской Силой, я не колебался б ни секунды.

Порыв ветра всколыхнул длинные дорожные плащи, хлестнул по ним пригоршнями песка. Энвер, сжав губы, смотрела в сторону. Кристоф буркнул что-то нечленораздельное, снял шляпу и запустил пятерню в свою курчавую рыжую шевелюру. Законник первым нарушил паузу.

– Наверное, вам не захочется торчать тут, дожидаясь следующего поезда, – тон Генри Кидда вновь обрёл размеренную, слегка ленивую будничность. – Есть вариант уехать верхом. Дорога понемногу забирает на север, можно срезать. Если поторопитесь, то к вечеру будете в местечке под названием Карстон. Поезд задерживается там до темноты, пополняя запас воды и топлива. Как вам?

Ведьма кивнула.

– Отлично! Езжайте на северо-запад, ориентируясь на две столовые скалы. Проморгать их невозможно, будьте спокойны. Никуда не сворачивайте: скалы проводят вас прямо до места. Я сейчас отправлю человека седлать лошадей. Через полчаса подходите к станции – вас там будут ждать вместе с некоторыми припасами, – шериф покосился на обувь агентов. – И со шпорами. В Карстоне оставьте всё кому-нибудь из местных. Меня там знают, за добром присмотрят до поры... Удачи, ищейки!

Чуть задержав на чародеях взгляд, шериф отсалютовал кистью и ушёл. Белый маг, потискав шляпу, водрузил её на положенное место. Энвер какое-то время смотрела Кидду вслед. В голове ещё звучали его слова: «Каждый должен делать то, что требуется».

– Знаешь, Крис, в такие моменты я спрашиваю себя: какого хрена мы всем этим занимаемся?

Напарник издал смешок.

«Конкретнее с формулировкой, Эн. Примерно так: зачем мы занимаемся тем, чем занимаемся? Правильно ли мы при этом поступаем? И если да, то всегда ли? У меня, признаться, нет ответов».

«У меня тоже», – подумалось Энвер.

Часть вторая. Удар молнии

Раскисшая от проливных дождей дорога перевалила за холм, и крытый парусиной фургон медленно потащился в низину. Две усталые лошади тянули упряжь, утопая в грязи по самые бабки; вымокшие гривы висели на конских шеях унылыми лохмотьями. Ливень давно напитал почву, пресытив её, и теперь мутные ручьи бежали вдоль обочин, обгоняя повозку. Аллея высоких вязов прятала дорогу от бесконечных кукурузных полей. Деревесные кроны смыкались

в зелёный тоннель, который успешно сопротивлялся слабому дневному свету, но был бессилён против водяных потоков, падающих отвесно. Парусина, сберегавшая груз от дождя, гремела, как оркестр барабанов, но дело своё делала. К сожалению, крышка не могла спасти от промозглого воздуха, поэтому двое пассажиров повозки ежились, тщетно пытаясь удержать тепло под одеждой. Все эти неудобства, похоже, ничуть не трогали одного только возницу, который сидел себе на козлах и с невозмутимым видом насвистывал некий весёлый мотивчик.

Пассажиров, размещённых среди тюков и свёртков, было двое: парень и девушка. Похоже, молодёжны, путешествующие по стране в поисках лучшей доли. Оба были одеты в духе местного фермерства: он – в шерстяные брюки на ремне, грубую куртку и шляпу-котелок; она – в дорожное платье с несколькими длинными, до башмаков, юбками, и в простой крестьянский капор. Возле путешественников лежал их багаж, состоявший из кожаной сумки и рюкзака.

– А что, у вас тут всегда такая погода? – окликнула девушка возницу.

Тот повернулся вполоборота.

– Ну, попали вы прям в самое больное место, миссис, – сидевший на козлах нескладный мужичок воспользовался оказией и стряхнул с истрёпанных полей своей ветхой шляпы дождевую воду. – В самое что ни на есть.

– Что, всё настолько плохо? – насторожился второй пассажир. Возница почесал небритый подбородок:

– По правде сказать, тутошняя погода издавна капризничала не хуже банкирской дочки. К частым грозам людишки давно привыкли, а смерчи да ураганы вообще прославили долину Иссими на многие и многие мили. Штормовые лета стали, так думаю, местной изюминкой. Но небо завсегда прояснялось, ветра стихали, и земля родила хорошо. Рабочий человек здесь, ежели с землёй дружил, горя и нужды не знал. А ураганы что? Их можно в подвале пересидеть. Так вот доселе и жили...

– Но не теперь, – предположила девушка в капоре.

– Не теперь, – согласился возница, обрадованный интересом пассажиров. – Этим летом словно проклятие приключилось. Аль порча какая. Затянуло тучами небо над нашими головами, и льёт как из ведра. Каждый день. Грозы опять же. А ежели дождь всё-таки перестаёт на час-другой, то всё равно холодно, пасмурно, и земле просохнуть нет никакой возможности. Так вот и маемся уже, почитай, целый месяц. Коли в ближайшее время ничего не поменяется, урожай гибнуть начнёт. А что-то не похоже, что непогода завязывать собирается. Пропавший урожай – голодный год и нищета, хорошие люди по миру пойдут. Вот иные, кто послабей духом, уже бегут из деревни. Собирают пожитки, бросают дома и бегут. Может, конечно, и на время; может, вскорости воротиться думают. Остальные ещё надеются переждать. Да только кто же знает, сколько эта хмарь продержится, пропади она пропадом. Так что в недобрый час вы решили сюда приехать, в недобрый час... – завершив таким образом устрашающую речь, мужичок, излучая неподдельный оптимизм, вернулся к управлению лошаадьми.

На дороге, словно иллюстрируя слова возницы, показалась ползущая в гору повозка, доверху нагруженная всяческим скарбом. Тяглогового мула вёл под уздцы угрюмый верзила, смеривший встречный фургон тяжёлым взглядом. Остальные члены семейства месили ногами грязь рядом с повозкой, держась руками за борт. Только двое самых младших детей сидели на узлах, накрывшись клетчатой попоной. На лицах бегущих поселян уже оставила свой след чёрная тень надвигавшегося на деревню отчаяния.

– Ну вот, что я говорил? – бросил через плечо возница.

Подвода беженцев осталась позади.

«Что ж, мы приехали в эту дыру не зря. Простой дождь без колдовства не может идти так долго в этих широтах», – мысленно высказалась Энвер.

«У тебя, куда ни приедешь, везде дыра», – не удержался Кристоф.

«Это не имеет значения. Чую, здесь что-то наклёвывается, некое занятное дельце».
«Не забывай: мы здесь не за этим», – напомнил светлый.

В дверь постучали – робко, но настойчиво. Энвер и Кристоф удивлённо переглянулись, молча уставились на источник звука. Словно дожидаясь этого, стук повторился.

– Не заперто, – крикнул светлый маг.

Дверь отворилась, явив ищейкам парнишку-посыльного, в фуражке с козырьком и при сумке на длинном ремне. Посыльный немедля вытянул свою длинную шею, с любопытством обшарив комнату взглядом.

– Эй, сынок! – Энвер дважды щёлкнула пальцами, привлекая внимание пришельца. – Заблудился?

Курьер спохватился, густо покраснел:

– Нет... не думаю, мэ. Это ведь шестой номер?

– Он самый.

– Тогда верно, это вам.

Парнишка извлёк из пухлой сумки жёлтый, немного помятый конверт.

– Вот, здесь так и написано: «Доставить по адресу: гостиница “Лонг Ривер”, второй этаж, комната номер шесть. Вручить мистеру Уайту и мисс Блэк», – посыльный вопросительно посмотрел на ищейк. – Это ведь вы мистер Уайт и мисс Блэк?

– Мы, как есть, уж будь спокоен.

– Значит, ошибки нет.

– Интересно, кто бы мог знать, что мы остановимся на ночь именно в этом городе, в этом номере этой самой гостиницы, успеть написать письмо и доставить его сюда, пока мы ещё в пути? – насмешливо поинтересовалась ведьма.

– Вы совершенно правы, мэ, – закивал курьер, обрадованный тем, что его бестактное любопытство можно оправдать. – Именно это и показалось мне странным.

Кристоф меж тем забрал конверт и аккуратно его вскрыл.

– Ничего странного, – будничным тоном сообщил он. – Всего-навсего телеграмма. Пришла сегодня утром, а запечатали её уже здесь, в почтовом отделении. Тут же и приписали адрес получателей.

– Отлично! Тайна раскрыта! Благодарим за доставку, всего хорошего! – Энвер сунула посыльному в руки несколько монет и бесцеремонно вытолкала его за дверь.

– Но постойте, – запротестовал курьер. – Как же они узнали, в каком номере...

Девушка захлопнула дверь у парня перед носом, заперлась на засов.

– Порядок. Ну что там?

– Бессмысленные пустяки. Дядюшка интересуется здоровьем племянников, – светлый маг выразительно поворачивал глазами. Его напарница понимающе кивнула.

– Комендор.

Энвер взяла у Кристофа телеграмму, поднесла её к столу и положила на жестяной поднос. С пальца колдуньи на бумагу прыгнул маленький язычок пламени. Однако бумага не вспыхнула мгновенно, как следовало бы ожидать. Вместо этого она начала медленно, очень медленно чернеть и скукоживаться, пламя окрасилось в тёмно-лиловый цвет, и к потолку потянулись витые струйки дыма. Эти струйки затейливо переплелись между собой, образовав уменьшенную в масштабе мужскую фигуру. Ищейки мгновенно узнали эту фигуру.

«Жиро».

Образ комендора шевельнулся, и комнату заполнил его голос, совершенно реальный, будто Арман Жиро находился тут же.

– Приветствую, агенты, – голос куратора был, как всегда, сух и звучал по-деловому; однако магия не смогла скрыть усталости и тревожных ноток, сквозивших в речи фантома. –

Для вас есть задание: немедленно отправляйтесь в деревню Голден Дейл – это в долине реки Иссими, в паре дней пути от того места, где вы сейчас остановились. За последний месяц там при таинственных обстоятельствах погибли три зарегистрированных мага; из них двое являлись детективами из Бюро криминальных расследований. Бюро проявило осторожность и отправило в Голден Дейл сотрудников – не магов. Те не обнаружили никаких доступных их возможностям следов и вернулись с задания без всяких происшествий. Тела погибших были вывезены и тщательно изучены. Вердикт судмедэкспертов: жертвы были поражены сильнейшими электрическими разрядами, сравнимыми по мощности с атмосферной молнией, но магической природы. Всё это позволяет предположить, что в деревне объявился серийный убийца – нова либо маг-рenegат, целенаправленно выбивающий волшебников. В связи с этим Бюро подключает к расследованию нас. Вы едете в разведку, инкогнито, действуете скрытно, по возможности не используете магию. Помните: сейчас главное – собрать информацию, так как, действуя вслепую, мы поставим под угрозу жизни других магов. О результатах доложите мне почтой либо телеграфом; дальнейшую стратегию мы будем определять уже здесь, в штаб-квартире Агентства. На этом всё, – пламя затрепетало, угасая, голос комендора сделался глухим. Фигура из дыма рассеялась. – Кристоф, Энвер, берегите себя. И удачи вам!

Чёрный морщинистый лоскуток, в который превратилась обуглившаяся телеграмма, осыпался невесомым пеплом. Лиловое пламя и серый дым исчезли без следа.

– Собираем манатки, – вздохнул Кристоф. – К ночи надо быть в долине Иссими... Чур, в этот раз я выдумываю легенду!

Преодолев по каменному мосту вздувшуюся мутную реку (в хорошую погоду – мелкий ручей шириной не более шести футов), фургон въехал в деревню Голден Дейл. Вид её, пусть и подмоченный затянувшимися дождями, всё же не вызывал неприязни. Поселение смотрелось цивильно, приличнее иных городов. Симпатичные коттеджи, выстроенные преимущественно в нетипичном для южных штатов стиле фахверк, обросшие эркерами и балкончиками, купались не только в воде, но и в садовой зелени. Под окнами каждого дома, за низенькими декоративными заборчиками, раскинулись клумбы (правда, представлявшие теперь весьма жалкое зрелище). Фургон миновал изящную белую церковь – великолепный образчик деревянной неоготики. По-видимому, местечко до недавнего времени процветало.

– А что, название деревни появилось уже после её основания? – спросил Кристоф у возницы. – Поселение смотрится богато, но ведь так было не всегда?

– По первости-то её именовали Переплюшкой, – хохотнул правивший лошадьми мужичок. – В честь того потока, что нам довелось переехать. Переплюй-ка! Вот уж нынче переплюнь-ка его... О чём бишь я? А, деревня! Деревня, значит, росла, народ богател, ну и как-то несолидно стало в Переплюшке обретаться. Вот кто-то и предложил название «Голден Дейл» – мол, в честь полей кукурузы, что деревню окружают и кормят. Дурак, забыл, наверное, что початки обёрнуты листьями, потому поля всегда зелёные и не бывают золотыми. Но местным понравилось. С тех пор так и зовут... Вас где посадить?

– У нас тут нет никого, – вмешалась в разговор Энвер. – Не будете ли вы так любезны подсказать нам, где можно остановиться и пожить первое время?

– Отчего ж нет? – возница неожиданно натянул вожжи. – Тпру-у-у-у!

Лошади тряхнули головами, и повозка остановилась.

– Вот, пожалуйста: трактир «Четыре холма». Хозяйкой здесь Люсиль Деверо, но все зовут её Сестрой Люсиль. Берёт за постой недорого, кухарит пр-р-росто волшебным – если вы понимаете, о чём я! – подмигнул возница.

«А то!»

Ищейки, захватив багаж, выбрались из повозки и обнаружили, что стоят перед добротным зданием, трёхэтажной высоты, увенчанным сложной многоскатной крышей. Похоже, трактир был одной из самых внушительных построек в деревне.

Кристоф порылся в кармане и достал оттуда несколько монет – кучеру в уплату за комфортное, в общем, путешествие.

– Удачи вам, молодые люди! – хозяин повозки, приняв деньги, прощальным жестом поднял шляпу над макушкой. – Как у нас говорят, ясного неба и богатого урожая!

– И тебе доброй дороги, мастер. Надеемся, твоим лошадям не придётся вскорости уезжать отсюда навсегда.

– Ещё чего! Я уж буду последним, кто покинет эту деревню. Да и то – вперёд ногами. Но! Пш-шли! – возница щёлкнул вожжами, и фургон покатил вверх по улице.

Путники поднялись на высокое крыльцо, предусмотрительно накрытое козырьком. Тяжёлая деревянная дверь отворилась неожиданно легко, впуслав чародеев в трактир.

«Хм, весьма неплохо», – осмотревшись, одобрил Кристоф.

«Только пусто», – добавила Энвер.

«А что ты хотела от экономически парализованного района? Харчевни зависят от трафика».

Хозяева, очевидно, любили своё заведение. Просторный столовый зал, занимавший львиную долю первого этажа, раньше наверняка был светлым и уютным. Однако теперь тут было уныло и сумрачно. Окна, мозолившие глаз надоевшей непогодой, были завешены плотными шторами. Единственным на весь зал источником света служил большой камин; пылавший в нём огонь не столько отапливал помещение, сколько сражался с упрямо просачивавшейся сыростью. За массивным деревянным столом, почти у самого камина, грелись всего два посетителя – да и те, похоже, из местных. Они скользнули взглядами по ищейкам, и на их угрюмых лицах проявилось некое подобие любопытства.

– Сестра! – хрипло крикнул один. – К тебе пришли!

Одна из дверей в боковой стене распахнулась, и в зал вместе с аппетитными кухонными запахами вошла высокая девушка в синем платье и сером переднике. К удивлению волшебников, на вид девушке было слегка за двадцать. Однако держалась она серьёзно, с достоинством. Волосы, как и обычно, у Энвер были собраны в пучок на затылке, отчего острые черты её лица казались ещё строже. Заметив гостей, девушка замерла в ожидании. Кристоф решил действовать первым:

– Добрый день, миссис Деверо. Мы...

– Кому добрый, а кому не очень, – грубовато перебила хозяйка гостиницы.

– Э... – сбитый с толку, парень замялся. – Видите ли, миссис...

– Какая я тебе миссис? – тон хозяйки остался прохладным.

– Но...

– Зови меня мисс. А лучше – мэм.

«Она крута!» – восхитилась Энвер.

«Она скрестила руки на груди, – отметил светлый маг. – Приznak неосознанного желания закрыться от контакта. Запомним это».

– Ну, так кто вы такие? – интонации девушки слегка смягчились. – И что вас привело сюда?

Кристоф приосанился:

– Моё имя – Арчибалд Уилсон, а это моя сводная сестра Розмари. Мы приехали с Запада. Родственников у нас не осталось, поэтому теперь путешествуем в поисках места, где захочется осесть.

– Тут у вас осесть вряд ли выйдет! – гаркнул один из посетителей трактира.

– Разве что сесть – в лужу! – добавил другой, и оба покатались со смеху.

Мисс Деверо и бровью не повела:

– С некоторых пор у местных бездельников шутки – одна паршивее другой. Вы тоже батраки? Если так, то езжайте лучше своей дорогой.

– Нет, мэ. Я кровельщик, а моя сестра – портниха.

– Уже лучше, – кивнула Сестра Люсиль. – Но надолго вы здесь всё равно не задержитесь.

– Пока что с нас довольно будет горячей пищи и крыши над головой, – мягко вмешалась Энвер. – Если ваши цены не очень кусачие, то мы бы предпочли пока остаться у вас. Денег у нас не очень много, но работать умеем, поэтому вы в накладе не останетесь.

Хозяйка «Четырёх холмов» вздохнула и махнула рукой:

– Ступайте за мной.

«Ну ты даёшь, Крис! – попеняла Энвер напарнику, когда они вслед за Сестрой Люсиль поднимались по лестнице. – Кретинские псевдонимы ещё куда ни шло, но такие профессии выдумать! Ладно я: как-никак женщина, шить немного умею, да и не факт, что придётся. Ну а ты-то, ты?! Какой из тебя кровельщик, если ты за последние пятнадцать лет молотка, верно, и в руке-то не держал? Ох, чую, испоганишь всё дело, как только на крышу залезешь».

«Ври ты, – спокойно ответил ищейка. – Может, лучше получится. А денег у нас хватит, так что, надеюсь, никому никуда лезть не придется».

Хозяйка привела гостей на второй этаж. Пройдя короткий коридор, Люсиль остановилась в тупике возле большого окна между крайними дверьми.

– Вот ваши комнаты, держите ключи к ним. Уборная в другом конце коридора, рядом с чуланом. Не перепутайте, а то были случаи. (*Ищейки прыснули.*) Ванная комната напротив лестницы. Первый этаж: столовая, гостиная, кухня и другие помещения. Вам можно только в столовую и гостиную. Второй этаж – для постояльцев. Никого сейчас нет, гуляйте свободно, но не ломитесь в запертые комнаты. На третий этаж ходить запрещено, там комнаты моей семьи. В подвале – кладовые, и вы туда ни за что не попадёте, так как все ключи у меня. Если что-то понадобится – спрашивать у меня. Расчёт по утрам, после завтрака. Всё ясно?

– Могу я задать вопрос? – произнёс Кристоф, с интересом изучая пейзаж за окном.

– По делу – да.

– Почему трактир называется «Четыре холма»?

Хозяйка трактира проследила за взглядом нового постояльца:

– Деревня лежит в низине и окружена четырьмя холмами. По одному на каждую сторону света. На всех четырёх высажена кукуруза. Я оставлю ваш обед на столе внизу, через двадцать минут. Лучше не задерживайтесь, иначе остынет, а дважды разводить огонь под плитой из-за двух человек я не стану.

– Можно ещё вопрос? – не унимался парень.

– По делу – да.

– Почему вас называют Сестра Люсиль?

Мисс Деверо нахмурилась, и Энвер только теперь заметила, насколько усталой и измождённой выглядит хозяйка гостиницы.

– Наверное, потому, что не брат. Разве по юбке не видно?

Ответив так, Люсиль быстрым шагом пошла прочь. Ведьма проводила её глазами, потом с укоризной бросила Кристофу:

– Король такта! Нельзя было с этим повременить? Видишь, девушка не в духе... Что это ты там всё разглядываешь?

– Нечто занятное.

Парень ткнул пальцем в точку на горизонте. Теперь уже Энвер с любопытством посмотрела в окно, туда, куда указывал напарник. Окно выходило как раз на крышу соседнего дома, и крыша эта закрывала ровно половину обзора. Вторая половина принадлежала затянутому серой хмарью небу. Собственно, на этом бы и всё, если б дождь к этой минуте не ослаб

настолько, что стал виден гладкий зелёный горб, слегка искривлявший линию горизонта примерно в паре миль от деревни.

– Восточный холм, – пояснил Кристоф.

Но указывал он не на сам холм, а на его вершину. Девушка без особого труда различила слегка размытые пеленой дождя чёрные контуры трёх высоких сооружений. Они имели ажурную структуру и, широкие у оснований, сужались к вершинам, переходя в длинные тонкие шпили.

– Интересно, – задумчиво пробормотал волшебник. – Как думаешь, что это?

– Какие-то вышки. Может, ветряки?

– Может, и так. Запомним это.

На обед ищейкам достались: полента (кукурузная каша), индюшачья грудка, жареный картофель, варёная брюква и маисовые лепёшки вместо хлеба. В придачу ко всему – горячий и ароматный травяной чай. Люсиль Деверо поставила приборы на ближайший к кухне стол, но волшебники переместились вместе со всей едой поближе к камину, источавшему тепло. Два других посетителя никуда уходить не торопились, но Энвер и Кристофа это не заботило. Мыслеречь, владеть которой магов учили с детства, не раз помогала сохранить конфиденциальность там, где это было необходимо. Кроме того, обмен мыслями практически не вызывал возмущений в эфире, а значит, риск демаскировки отсутствовал.

«А ещё мыслеречь хороша тем, что можно болтать с набитым ртом!» – подумал Кристоф, с энтузиазмом пережёвывая мясо.

«С ночлегом и питанием разобрались, – ведьма решила начать с похлёбки. – Теперь нужно приступать к делу. С какого конца, есть соображения?»

«Есть, но пока только самые общие».

«Рутинная, значит? Сбор информации?»

«Угу. На остаток дня сегодняшнего и день завтрашний предлагаю следующее: я, раз уж назвался кровельщиком, пройду по адресам и заведу знакомства. Надо разузнать больше о смертях тех волшебников, а людская молва порой осведомлена лучше официальных властей».

«Не вздумай нарваться на заказ – облажаешься на первой же крыше. Может, всё-таки я пойду?»

«Успеешь. Нынче я желаю блеснуть коммуникабельностью. Твоя задача – навестить местного старосту – или кто там у них? – и поднять архивы».

«Сценарий “Я – новосёл, и я люблю историю”», – улыбнулась Энвер.

«Ага. Изучай архивные записи, листай подшивки газет, смотри фотоснимки. Вдруг да найдётся что любопытное?»

«К примеру, семья из числа основателей, которую соседи обманули и пустили по миру, а потом кто-то среди потомков этой семьи вдруг заделался магом».

«Верно мыслишь, Эн. Такой вариант исключать нельзя... В любом случае, надо с чего-то начинать», – волшебник положил обглоданные рёбрышки на дно миски и с наслаждением потянулся.

Кухонная дверь отворилась, и в зал вошла Сестра Лю-силь. Мельком взглянув на отобедавших постояльцев, девушка направилась к столу, занятому местными. Ищейки сделали вид, что увлечены лепёшками и настоем; на самом же деле внимательно прислушались.

– Люсиль, ты готовишь волшебное! – громко похвалил разомлевший от пива бородатый толстяк – тот самый, что неудачно шутил про лужу. – Отличное, говорю, угощение! Не то что стряпня моей старухи, хе-хе...

– Compliments сыт не будешь, Фрэнк, – хозяйка гостиницы покачала головой. – Ты должен мне талер за сегодня и ещё восемь с полтиной – за прошлые разы.

– Слушай, нет у меня сейчас столько. Сама знаешь, ливни проклятые пятую неделю, заказов нет. Сами едва перебиваемся.

– Не заговаривай мне зубы, Фрэнк, – выражение лица мисс Деверо не смягчилось. – Думаешь, не знаю, что на днях у Сайреса пару лошадей забил и освеживал? Известно всем: ты кониной плату не берёшь, только монетой. Даром что Сайрес после хвори едва на ногах стоит, и его семье туго сейчас как никогда. Ещё и дождь этот...

– Вот именно, что дождь! – подхватил толстяк. – У меня вон клетки накануне протекли, за ночь несколько кадок солонины коту под хвост. Тоже, считай, убыток. Ну запиши в долг, а?

– Убыток? А каково, по-твоему, трактир в одиночку содержать? Может, мне к жене твоей пойти?!

– Да ладно тебе, сестрёнка, запиши ты ему в долг, – поддержал товарища второй посетитель, носатый и долголицый. – Неужто Фрэнка не знаешь? Он завсегда отдаст. У родителей твоих на хорошем счету был...

– Я тебе не сестрёнка! – взвилась девушка. Впрочем, она сразу овладела собой и, склонившись над столом должников, заговорила быстрее и тише: – Родителей моих не приплетай, Эзра! Не смей! Они людьми порядочными были, не то что некоторые. А ты и сам мне уже за четыре недели задолжал без малого одиннадцать талеров. Давай плати сию же минуту!

– А если не заплачу? – медленно проговорил долголицый.

В зале вдруг заметно сгустился мрак. Волшебники нутром ощутили возникшее меж спорщиками напряжение. Тот, кого звали Эзрой, исподлобья глядел на возвышавшуюся над ним хозяйку трактира. Люсиль, казалось, стала ещё выше и волнами излучала внутреннюю силу.

Обстановку разрядил толстяк.

– Ладно, Люсиль, не злись, будет тебе! Вот... – он порылся в карманах и вывалил на стол горсть монет. – Вот, держи: здесь талеров десять с мелочью. За сегодня, в мой счёт и в счёт Эзры. Погорячился он, с кем не бывает после кружки-другой доброго пива? Не обижайся. А родителей твоих я знавал и уважаю, потому и тебя не обману, уж будь спокойна. Как только лишними деньжатами обзаведёмся, тотчас уплатим всё остальное. Ты только это... старухе моей не говори.

– Сроку тебе – неделя, Фрэнк, – процедила Сестра Лю-силь. – Мне тоже нелегко в последнее время, и ты это знаешь. А трактир – всё, что осталось от моей семьи. Я не хочу его потерять.

– Я понял, Люсиль, я понял. Всё будет, – бородатый поспешно, с шумом встал из-за стола, подхватил шляпу одной рукой, а долголицего – другой. – Пошли, Эзра, обеденный перерыв давно кончился.

Парочка протопала мимо ищеек и покинула харчевню. Стало тихо. Чародеи перевели взгляды на хозяйку «Четырёх холмов». Та несколько секунд молча стояла у стола; даже в сумраке помещения было хорошо видно, как дрожат её руки. Потом у девушки подкосились ноги, и Люсиль, шелестя платьем, рухнула на стул, только что освобождённый Фрэнком.

Напарники не сговариваясь вскочили со своих мест.

– Мисс Деверо... мэ... – позвал Кристоф.

– Зовите меня Люсиль. Сестра Люсиль, – девушка протяжно вздохнула, пальцами коснулась лба. – Мне нужно отдохнуть. Оставьте посуду на столе, я уберу. Позже... Когда станет лучше...

Девушка медленно поднялась и неуверенной походкой направилась к лестнице.

– Может быть, вам нужна помощь? – бросил вдогонку Кристоф.

– Нет, – отозвалась мисс Деверо, не оборачиваясь. – Всё нормально. Просто нужно побыть одной.

Поскрипывая ступенями, хозяйка удалилась на третий этаж. Ищейки остались в трапезной одни.

– Что ты на это скажешь? – обратился Кристоф к волшебнице.

– Скажу, что ей тяжело, что она устала. Но она очень сильная. Ты тоже это почувствовал?

– Да. Сцена, невольными свидетелями которой нам пришлось стать, объяснила многое.

Родители Люсиль умерли – поэтому у гостиницы такая молодая хозяйка.

– Она поднялась на третий этаж. Помнишь, он принадлежит её семье.

– Может быть, апартаменты родителей служат своего рода мемориалом? Вещи, принадлежавшие близким, часто становятся особенно дорогими.

– Целый этаж пуст и закрыт для всех? – усомнилась ведьма.

– Почему бы и нет? Мало какая сирота может себе такое позволить. Видимо, к Люсиль это не относится.

– Как думаешь, не связано ли всё это с нашим делом?

– Не знаю, – Кристоф покачал головой. – Я, как и ты, пока ничего не знаю.

Маг немного помолчал, обдумывая что-то. Затем сказал:

– Предлагаю придерживаться избранной стратегии. Я пойду и проведу разведку среди местных, ты отправишься в библиотеку. Надо уже начать действовать.

– Насколько я помню, как раз-таки действовать Жиро запретил, – с усмешкой напомнила ведьма.

Кристоф приподнял одну бровь:

– Ты что, Эн, всерьёз собралась следовать инструкциям?

– Издеваешься?

– То-то же! Собираемся и выходим.

Дождь слегка ослаб, но до наступления сумерек не прекратился. Светлый маг успел обойти десяток домов: где-то ему просто не открыли, где-то сразу и грубо советовали идти своей дорогой; в остальных случаях Кристофу сопутствовал успех. Втираться в доверие ищейке было не впервой, а селяне охотно жаловались на судьбу, делились робкими надеждами и обсуждали таинственные события последних недель. Энвер до вечера просидела в здании школы – там собирался деревенский совет и располагалась библиотека. Детективное расследование – не только путешествия, приключения и схватки с преступниками, но и нудная, утомительная работа с источниками информации. Колдунья давно поняла это, и горы пыльной бумаги её не пугали. Что касается Сестры Люсиль, то завязать с ней беседу ни до, ни после ужина не удалось. Хозяйка трактира отвечала невпопад, односложно, старалась избегать общества постояльцев. Она выглядела ещё более усталой, чем днём, и даже больной. Коротко посоветовавшись, напарники решили: утро вечера мудренее. Зондирование мисс Деверо подождёт.

Ночью Кристоф долго ворочался в постели и не мог уснуть, как ни старался. Вначале мешала монотонная дробь назойливого дождя. Потом дождь как будто утомился, но его партию подхватили стенания ветра. Спустя какое-то время чародей всё же привык к шуму непогоды и даже начал дремать. Но тут с потолка – вернее, с третьего этажа – на ищейку посыпались странные, раздражавшие слух и психику шумы. Сперва это были глухие, невнятные стуки и шорохи: они то прекращались, то начинались опять. Потом добавились ритмичные поскрипывания, будто бы кто-то наверху беспокойно шатался из угла в угол.

«Тебя тоже напрягает этот ночной концерт?» – долетело из комнаты напарницы.

«Напрягает. Это Люсиль так?»

«Люсиль, кто же ещё. Известный факт: вымотанные до предела люди часто страдают бессонницей. Только не очень понятно, почему окружающие должны разделять этот недуг».

«Может, она просто лунатик?» – предположил маг.

«В таком случае пусть пьёт снотворное».

Странные «шаги» прекратились, но их место заняли жуткие завывания, словно рыдал и жаловался на судьбу человек с отрезанным языком, вдобавок замурованный в стене.

«О, появился новый солист! Только с вокальными данными у него что-то не очень. Если б я верила в привидений, то решила бы, что это нытьё какой-нибудь неуспокоенной души. А что? – развеселилась Энвер. – Мерзкая ночная погода – имеется. Большой старый особняк – имеется. Загадочная хозяйка – в наличии. Несчастные, что погибли таинственной смертью, – тоже есть. Всё сходится! Закрываем дело: всему виной проклятие злобного призрака».

«Не смеяйся над мёртвыми, Эн. Они этого не любят».

«Если так, то стоит смеяться в голос. Авось, мертвецы уберутся подальше».

Рыдания между тем становились всё громче и всё тоскливее. Когда они уже начали походить на вой и сделались совершенно невыносимыми, раздался звук сильного удара, а затем всё стихло.

«Похоже, Люсиль грохнулась на пол и наконец проснулась».

Несколько минут не было слышно ни звука. Затем осторожные скрипы появились вновь. Перемещаясь по потолку, они добрались до стены, за которой находился коридор, переместились в него и покинули зону слышимости волшебников.

«Должно быть, ей **ОЧЕНЬ** плохо, – подумал светлый маг. – Без близких, без поддержки... Днём она держится молодцом, а вечером, когда никто не может видеть, даёт волю эмоциям и плачет вдосталь».

«Пускай плачет, я не против. Только если прячешься от взглядов, постарайся спрятаться ещё и от ушей. Особенно от тех ушей, хозяева которых пытаются спать».

Кристоф не стал отвечать, перевернулся на другой бок и притворился, что уснул. Впрочем, притворяться пришлось недолго.

Следующий день решил не отставать от предыдущего и «порадовал» продолжением ветрено-дождливой диеты. Хорошо, что кулинарное мастерство мисс Деверо не зависело от погоды. Правда, сама хозяйка за всё утро на глаза так и не показалась. Пришлось оставить плату за первые сутки на столе, рядом с грязной посудой. Кристоф добавил записку: в ней он извинялся за их с «сестрой» отсутствие, нарушение правил расчёта и надеялся вечером увидеть хозяйку в добром здравии. Затем ищейки влезли в пока ещё сухие ботинки и туфли и не без сожаления покинули сень трактира.

Уже стемнело, когда ведьма вернулась к «Четырём холмам». Дождя не было, но вдоль улицы дул холодный, злой ветер. Чертыхаясь и спотыкаясь в потёмках, ориентируясь на свет, пробивавшийся сквозь ставни, Энвер отыскала вход в трактир. Она с облегчением ввалилась в тёплую, пахнущую уютom обеденную залу и сразу увидела напарника. Кристоф сидел за столом, попивал всё тот же превосходный травяной напиток и дожидался её. Больше в зале никого не было.

– А мне ча-аю? – поканючила волшебница, энергично потирая друг о друга озябшие ладони.

Парень широким жестом пригласил её к столу:

– Пожалуйста. Вот тебе чайник, вот кружка, вот жареные кружочки теста в сахаре.

– Это всё Люсиль?

– Ага. Она молодчина.

– Так ты с ней виделся?

– И даже перекинулся парой фраз. Кажется, ей лучше.

– А где она сейчас? – поинтересовалась Энвер, подсаживаясь к столу и хватая чайник.

– У себя, на третьем. Просила пока её не беспокоить.

– Отлично! – чародейка отхлебнула из шерботой глиняной кружки, с наслаждением причмокнула губами. – То, что доктор прописал. Ну-с, выкладывай, что удалось раскопать за два дня хождений по соседям?

– Сперва ты. Я ведь раньше пришёл.

– А я пью и буду жевать.

– Ну хорошо, – вздохнул Кристоф и слегка приуныл. – Рассказывать-то особо нечего. Вернее, рассказать могу много чего, но это в основном сплетни. Объективные же факты таковы: в начале июня в деревне появился волшебник. По описанию – типичный городской интеллигент, в очках и с кожаным портфелем. Остановился жить в «Четырёх холмах».

– Уже интересно, – заметила Энвер, отправляя в рот сахарный кружок.

– Да нет, скорее обычно – это ведь единственный постоянный двор в округе. Так вот, колдун несколько дней спокойно жил, никого не трогал, изредка произносил умные речи. А потом вдруг умер. Угадай, где было обнаружено тело?

– И где же?

– На вершине восточного холма. По крайней мере, так говорят люди.

Энвер недоверчиво повела головой:

– Это там, где стоят те три вышки? Ну, на которые ты ещё вчера...

– Именно. Подозреваю, место это не случайное.

– Что-нибудь узнал про него?

– Да ничего особенного: холм как холм, дурной славой не пользуется. И в самой деревне, кстати, всё спокойно было долгие годы.

– А что с вышками?

– Они стоят там ещё со времён Войны, а то и дольше. Местные сами не знают, для каких целей были поставлены эти конструкции. Сейчас они просто медленно ветшают.

– Ладно, проверим. Что дальше?

– Дальше начинаются совпадения: тело нашли в тот самый день, когда на деревню набегали тучи.

– Не совсем так, – возразила Энвер. Кристоф с интересом посмотрел на неё. – Не совсем так, но об этом позже. Продолжай.

– Хм... так вот: пару дней лил дождь, потом приехали детективы Конвента. Не таясь, начали ходить тут, колдовать и расспрашивать всех про таинственную смерть первого мага. Но не успел закончиться день, как обоих шандарахнуло молниями. Прямо перед гостиницей Люсиль, на глазах у изумлённой публики.

– То есть прямо... бах – и всё? – на всякий случай уточнила Энвер.

– Ну не то чтобы «бах». Скорее «бах-бах», – Кристоф почесал затылок. – Нашлись якобы очевидцы, но показания расходятся. Одни твердят, что молний было две и били они друг за другом почти одновременно. Другие уверяют, что молния была одна, но расщеплённая. В любом случае, от детективов остались две головешки. И никаких следов. Как будто колдуны, перемудрив с чарами, самоликвидировались, – маг пожал плечами. – Мрак.

Колдунья в раздумье постучала пальцами по кружке.

– Интересно, – заговорила она. – Это ведь произошло, считай, у порога «Четырёх холмов». А интеллигент был убит буквально на холме...

– Не убит. Там нашли тело. Где беднягу настигла молния – неизвестно. Быть может, его потом перемещали.

– Перемещали... А что с семьёй Деверо? Что-нибудь узнал?

Кристоф усмехнулся:

– Ждал, что спросишь. Разумеется, узнал. Они вроде бы чисты. Родители Люсиль переехали в деревню ещё молодыми. Были трудолюбивы, быстро разбогатели и выстроили своё дело вокруг этой гостиницы. В народе их уважали и, пожалуй, даже любили; врагов у семьи не имелось, равно как и магов среди предков. Обычная добропорядочная фамилия из глубинки. Мистер Деверо погиб четыре года назад, во время урагана. Миссис Деверо умерла год спустя, от осложнений после лёгочной болезни. Вот уже три года Люсиль – единственная наследница своих родителей и полноправная хозяйка гостиницы.

– Какие отношения у Люсиль были с погибшими волшебниками?

– Да никаких, наверное. Первый тихо проживал в статусе постояльца и, судя по всему, девушки не домогался. Двое детективов и вовсе даже познакомиться с ней не успели... А ты на что-то намекаешь?

– Просто спросила, на всякий случай.

– Тогда у меня всё, – Кристоф откинулся на спинку стула, заложил руки за голову. – Твоя очередь.

– У меня тоже не густо, однако более конкретно. Первым был Августус Росицки, светлый волшебник, дипломированный лекарь, доктор медицинских наук...

– Стоп! – напарник округлил глаза. – Откуда ты это знаешь? Такую информацию можно прочесть только в книге регистрации волшебников, а светской власти запрещено показывать эти записи простым людям!

– Ну... – ведьма скромно потупилась. – Я же девушка. А староста – мужчина ещё хоть куда... – Кристоф при этих словах чуть не упал со стула, и Энвер прыснула в кулак. – Шучу, шучу! Я попросила воды и, пока он ходил за ней, втихаря просмотрела журнал, хорошенько всё запомнив.

– Ты осторожнее с такими шутками! – погрозил пальцем напарник.

– Приму к сведению. Слушай: этот Росицки отметился в регистрационной книге 8 июня. Выписался он – а вернее, его выписали – 12-го. Через четыре дня.

– Выходит, тело нашли 12 июня.

– Ага. Хроника утверждает, что в этот день небо было ясным и безоблачным. После обеда же погода совершенно испортилась, зарядил ливень с грозой. А к вечеру было найдено тело. Знаешь, как его нашли?

– Говорят, Люсиль возмутилась, что постоялец не явился к часу расчета – это в полдень. Местные мальчишки вызвались поискать колдуна за пригоршню медяков. На труп наткнулись случайно.

– Странно, да? Не похоже, чтобы эта девушка могла поднять шум из-за такого пустяка. Колдун же был лекарем – вдруг да и задержался у какого-нибудь пациента?

– Насколько я знаю, он тут никого не лечил, не собирался лечить и вообще почти не покидал трактир. Так что реакция девушки обоснованна.

– Всё равно странно. Ну чёрт с ним, слушай дальше: 14 июня отмечены детективы – некие Ли и Фридман. Этим же числом их и выписали, тут всё сходится. А не сходится вот что: связи между жертвами нет.

– Вообще-то все они были чародеями, – с мрачной усмешкой заметил Кристоф.

– И что с того? Глупо думать, что некий маг принялся истреблять других магов только потому, что они маги. У каждого преступления – если мы имеем дело с преступлением – должен быть мотив. А жертв должно что-то объединять.

– Может, это всё-таки нова? Или очень похожие несчастные случаи?

– Может, да. А может, и нет, – Энвер подобралась. – У старосты я попросила назвать кого-нибудь, кто может быстро съездить с поручением в ближайший город. Он отправил меня в местное почтовое отделение. Там я нашла одного толкового паренька и послала его с телеграммой в Агентство.

– В Агентство?! – ужаснулся Кристоф. – А как же наше инкогнито?!

– Не трясись, парнишка не умеет читать. Кроме того, я доплатила ему за сохранность конверта и обещала премию, если он вернётся с ответом. И потом, я же не полная дура, чтобы писать открытым текстом! Адрес подставной, содержание телеграммы зашифровано.

– А, ну тогда ладно, – успокоился светлый маг. – А что за содержание?

– Запрос досье на всех трёх убиенных. Если очень повезёт, то эти досье будут у нас уже завтра к вечеру.

Чародей сложил ладони в замок, поворачивал большими пальцами.

– Это всё? – спросил он.

– Не совсем. Я бегло изучила историю деревни. Ничего интересного: маги здесь не рождались, аномалий не фиксировалось, кровной враждой никогда не пахло. Постройка церкви, рекордный урожай, самая богатая свадьба – события, согласись, крайне прозаичные. Однако, – Энвер для важности ткнула в потолок указательным пальцем, – среди всего этого нашёлся один любопытный факт, а именно: у четы Деверо был сын.

Кристоф встрепенулся:

– Что значит «был»?

– То и значит: умер он.

– Гм. Мне об этом не рассказывали.

– Первенец, старший сын и наследник, вычеркнут из истории своего посёлка шесть лет назад. Ещё до того, как скончались его родители. Угадай, как он погиб?

– Молния! – мгновенно догадался Кристоф.

Девушка кивнула:

– Сухая формулировка гласит: «Убит молнией в непогоду». Всё. Дальше только смерти родителей и вступление Люсиль в права владелицы. Все строчки написаны плотно, одна к другой. Не похоже, будто что-то из записей вытерто.

– Как я уже говорил, врагов у семьи не было, – ищейка нахмурился. – Врагов-колдунов – тем более... По крайней мере, мы об этом ничего не знаем.

– И вряд ли узнаем без применения магии, – чародейка развела руками. – Вот теперь всё.

Напарники замолчали, обдумывая то, что было озвучено. В наступившей тишине стало слышно, как под половицами в районе кухонной двери скребётся мышь. Ветер снаружи ещё более усилился и теперь надсадно подвывал в дымоходе.

Первым молчание нарушил Кристоф:

– Итак, что мы имеем?

– Мы имеем три смерти магов, на первый взгляд не связанных друг с другом, – стала перечислять Энвер, загибая пальцы. – Имеем аномальную погоду, как-то связанную с первой смертью. Имеем общую причину всех смертей, очевидно связанную с аномальной погодой, а также с магией.

– Имеем семью, истреблённую частично этой самой погодой, но никак не связанную с покойниками, – вторил напарнице маг. – Прибавь сюда безукоризненную историю деревни в целом и одной отдельно взятой семьи в частности.

– А в центре – одинокая фигура Люсиль Деверо, – ведьма выразительно посмотрела на Кристофа, выдержала паузу. – Знаешь, будь я председателем Высокого Трибунала, я бы приказала арестовать и кинуть в застенки эту девушку прямо сейчас.

– Торопись с выводами, Эн.

– А я что? Это у вас, светлых, суд скорый.

Волшебник пропустил колкость напарницы мимо ушей.

– Послушай, мне тоже не нравится вся эта чертовщина вокруг Люсиль. Но данных мало даже для построения версий. В центр посылать, по сути, нечего.

– Значит, продолжаем работать, – пожал плечами Эн-вер. – Завтра по дворам пойду я. Попробую узнать ещё что-нибудь про семью Деверо, пусть даже на уровне слухов. Как известно, в каждом слухе есть доля правды.

– Добро. Заодно проверь этого Эзру. Узнай, кто он, чем живёт. Вряд ли это злобный маньяк, затаивший на Люсиль, но мало ли? Может, у него были какие-нибудь трения с родителями нашей хозяйки?

С лестницы донёлся стук каблуков, заставивший ищеек прервать совещание. Спустя несколько секунд в зале появилась Сестра Люсиль. Выглядела она неважно, однако нашла в себе силы улыбнуться гостям.

– Уже угостились, – отметила хозяйка. – Надеюсь, понравилось?

– Ещё бы, было очень вкусно! – Кристоф, опять став «кровельщиком», торопливо поднялся из-за стола. – Честное слово, мэм, как будто вернулся в детство, за бабушкин стол.

– Мы очень благодарны вам, – Энвер неплохо умела изображать тихую скромную особу, когда того требовала ситуация. – И за обед, и за этот сюрприз с чаем... Я сейчас всё здесь уберу, – ведьма потянулась к посуде.

Мисс Деверо быстро помотала головой, выражая протест.

– Нет-нет, не нужно! Я сама, – девушка взглянула на постояльцев прямо и неожиданно виновато. – Простите за то, что была груба с вами. Столько всего навалилось за последнее время... – Люсиль сгорбилась, вздохнула. – Не сердитесь, серьёзно.

– Что вы, мэм, мы и не думали сердиться! – Кристоф прямо-таки сиял.

– Да? Славно. Вы можете звать меня просто по имени – Люсиль, – хозяйка трактира на секунду замаялась, преодолевая неловкость. – Мистер Уилсон?

– Просто Арчибальд. На «ты», пожалуйста.

– Арчибальд, ага... Насколько я помню, вы... ты кровельщик. Окажешь мне услугу? Крыша над одной из комнат верхнего этажа дала течь. Было бы здорово, если бы ты завтра осмотрел прореху... Починить я могу и сама, не впервой, но вот послушать знающего человека...

– Конечно, Люсиль, нет проблем, – осклабился «знающий человек», игнорируя весёлый взгляд напарницы. – Влезу, посмотрю, почию.

– Ага... Что ж, спасибо. Я тогда отправлюсь мыть посуду, – Люсиль подошла к столу, ловко собрала кружки и торопливо удалилась на кухню, напоследок ещё раз кивнув своим постояльцам.

– Ну, мистер Арчибальд, вот ты и провалил все явки и пароли! – уперев руки в бока, заявила Энвер. – Полезешь завтра на крышу, и сразу станет ясно, какой из тебя кро...

– Тише ты! – шикнул Кристоф на подругу. – Сама всё провалишь! Я, между прочим, очень рассчитываю на дождь, который на крышу лезть не позволит. А вот тебе как раз придётся повозиться с иглой и ниткой.

– Ладно, посмеялись – и будет, – примирительно сказал ведьма. – Я, как ты только что сказал, отправлюсь возиться с иглой. А ты, раз уж остаёшься один на один с Люсиль, постарайся втереться к ней в доверие и расспросить её о семье. И даже не думай отнекиваться! Такой шанс упускать нельзя. К тому же девушка она милая, тебе такую охмурить – только в радость.

– Эн!!!

– Теперь, кстати, понятно, почему местные зовут её Сестрой, – внезапно посерьёзнев, негромко произнесла Эн-вер.

Кристоф, вознамерившийся было продолжить пикировку, осёкся на полуслове.

Вторая ночь в трактире прошла тихо. Но и обоснованные, казалось бы, надежды мага на дождливое утро не оправдались. Наоборот, ветер перебрался повыше, тучи над округой будто бы истончились, и в редкие разрывы стало проникать больше солнечного света. Поэтому, решив использовать прояснение, чародеи после лёгкого завтрака отправились на прогулку. А вернее, на осмотр вершины восточного холма.

Улица скоро вывела ищеек на окраину поселения. Дальше начинались «посадки» – густой лес из кукурузных стеблей, оккупировавших окрестные поля. С востока эти заросли подступали к домам ближе всего. Продираться сквозь кукурузу было непросто: растения, хоть и не жались вплотную друг к другу, после изнурительного испытания дождями поникли, уныло развесили во все стороны длинные мокрые листья. Земля под ногами превратилась в жирную

вязкую грязь; она мерзко чавкала, изо всех сил цеплялась к утопавшим в ней сапогам, заставляя прилагать изрядное усилие для каждого шага. Очень скоро Энвер начала ворчать; Кристоф же молча терпел, сберегая дыхание. Ещё одна трудность заключалась в ориентировании: кукуруза превышала человеческий рост, мешая осматриваться, и казавшиеся надёжными маяками чёрные вышки разглядеть было не так-то просто. Парень рассчитывал на то, что склон холма укажет направление. Но холм оказался столь же обширным, сколь и пологим, а насыщенная влагой земля и плохая видимость окончательно скрадывали и без того слабо ощутимый уклон. Дорога на вершину обещала стать долгой. К счастью, через некоторое время напарники выбрались на узкую, но надёжную с виду, проторённую тачками дорожку, которая вела строго на вершину. Пырей по краям тропы не давал подошвам тонуть, и остаток пути волшебники преодолели намного быстрее.

Вершина холма – круглая площадка диаметром около сотни ярдов – была свободна от злаковой культуры. Она казалась бы абсолютно пустой, если бы не три загадочные конструкции, встававшие здесь в полный рост и практически нависавшие над пришельцами. Ищейки, задрав головы, смерили вышки взглядами.

– Ярдов семьдесят-семьдесят пять, – предположил Кристоф.

Он подошёл к ближайшей вышке, приложил ладонь к её основанию. Сталь была очень старой, тёмно-бурая ржавчина сплошным толстым слоем покрывала фермы сооружения. В некоторых местах от крепёжных болтов и заклёпок остались только зияющие отверстия. По одной из опорных стоек когда-то взбегала на самый верх цепочка скоб, но большая часть их давно отвалилась, делая расстояние между сохранившимися скобами непреодолимым. Всё, что могло представлять хоть какую-то ценность для местных жителей, было снято и свинчено много лет назад. Теперь только ветер раскачивал верхушку великана, извлекая низкие жалобные стоны да тревожный скрежет – единственные звуки на милю вокруг. Беглых взглядов на оставшиеся вышки хватило, чтобы понять: обе находятся в столь же плачевном состоянии.

– Удивительная рухлядь, – покачала головой Энвер, оказавшись рядом с напарником. – И как ураганы до сих пор их не свалили?

– Очень ветхие постройки, – согласился Кристоф. – Должно быть, радиомачты – уж очень похожи. Такие возводили ещё до Войны. Столько лет прошло, а ведь стоят!

– Стоят. Может, неспроста?

– Давай проверим.

Следующие тридцать минут волшебники потратили на тщательное обследование площадки у подножий довоенных реликтов. Внимательно осмотрели каждый фут земли в поисках намёков на дикий шабаш либо иных следов запретного чародейства. Обшарили траву, пощупали землю и несколько найденных камней. Светлый волшебник даже достал свой индикатор магических аномалий, внешне похожий на компас, и долго гипнотизировал безжизненную стрелку. Всё безрезультатно.

– По факту проведённой экспертизы заключаю: нами найдено чуть менее чем ни хрена, – подытожила Энвер, отряхивая руки от комочков грязи. – Ровным счётом. Пусто.

– Даже место обнаружения тела мы сейчас не определим, – огорчённо согласился колдун. – Ей-ей, без магии как без рук.

– Нам бы, конечно, устроить полноценную магическую осаду этого места, – размечталась девушка. – По всем правилам искусства, с артефактами и многослойными заклинательными конструкциями... Но увы, конспирация есть конспирация.

– Что поделать...

Напарники подошли к краю травянистой площадки. Внизу, в долине, и правда будто бы зажатой меж четырёх холмов, на берегах маленькой речки Переплюйки стояла деревня Голден Дейл. Деревня, со всех сторон окружённая кукурузными полями. Кругом одни поля. Зелёный океан, в котором скопление домиков терялось, тонуло. Над этим монотонным пей-

зажем, словно напоминая об угрожающем миру дамокловом мече судьбы, развернулись угрюмые, мрачные небеса. Ветер гнал тучи в одному ему известную даль, и обрывки этих туч колыхались подобно грязным лохмотьям висельника.

– Пойдём, Эн, – зябко ёжась, позвал Кристоф. – Здесь нам ничего не светит. Вернёмся к первоначальному плану.

– Ага, – повеселела волшебница. – Вернёмся, так сказать, к нашим баранам. А вернее, к одному барану и дырявой крыше.

До обеда ищейки вернулись в трактир. Энвер, ещё немного втихую позлорадствовав, отправилась на своё задание. Малость приунывший Кристоф, в свою очередь, полез на крышу вслед за Люсиль, которая по случаю переделалась в мужскую одежду. Сперва чародей опасался за устойчивость на скатах крыши, но кровельный материал успел подсохнуть, и ботинки ступали надёжно, не пытаясь скользить. Не стремился сорваться вниз и ящик с инструментами, который пришлось взять с собой.

Место протечки было обнаружено хозяйкой гостиницы довольно быстро.

– Вот, смотри, – палец Люсиль указал на несколько деревянных чешуек неподалёку от карниза. – Гонт растрескался. Надо поменять, пока дождя нет.

Гонтом назывались прямоугольные деревянные пластины с клиновидным профилем, которые насаивались друг на друга на манер чешуи. Лжекровельщик присел возле указанного девушкой места и убедился: действительно, некоторые пластины сгнили и практически развалились на части, а вода проникала в трещины. Негодные пластинки нужно было менять, но вот как это сделать – Кристоф понятия не имел.

– Ну как, сделаешь, Арчибальд? – как ни в чём не бывало попросила мисс Деверо. – Тут мне работы на два часа, а ты так вовсе за час управишься.

– Управлюсь... – буркнул маг себе под нос.

Он попытался просто вытащить испорченные пластинки, подёргав их, но понял, что гонт приколочен к обрешётке. Причём гвозди прятались под пластинками, лежащими сверху внахлест. Ищейка присвистнул: ради дюжины гнилых пластин придётся снимать ещё полсотни годных плюс часть конька. Отковыривая монтировкой деревяшки, Кристоф украдкой косился на Люсиль: девушка с интересом наблюдала за его неуклюжими, неуверенными движениями. «Плакала моя легенда!» – подсадовал парень. С грехом пополам разобрав нужный участок кровли, он отломал отжившие своё обломки и рассовал их по карманам – просто выбросить мусор с крыши маг постеснялся.

– Люсиль, а где гвозди? – спросил Кристоф, порывшись в ящике с инструментами.

– Да вот они, – девушка помахала одной из оторванных пластин, из которой торчали кривые ржавые гвозди.

«Понятно, экономим на дефиците».

Вытащить гвозди было несложно, а вот как их распрямить? Пальцам задача оказалась не под силу – сказала крепкая ковка. Маг попробовал сделать это, один конец гвоздя зажав плоскогубцами, а другой – щипцами, но кончилось тем, что от гвоздя отвалилась шляпка.

– Что ты делаешь? – засмеялась Люсиль. Она извлекла из ящика небольшой топорик. – Используй вот это.

Парень крякнул, забрал инструмент. Ему хватило смекалки использовать металлический обух в качестве наковальни. С её помощью гвозди легко выпрямлялись несильными ударами молотка.

– Вот, хорошо, – похвалила хозяйка крыши. – Теперь приколачивай.

Издёвки в её интонациях не было. Вздохнув, Кристоф принялся за дело. Дело продвигалось плохо: старые гвозди гнулись даже при осторожных ударах, не желали лезть в сухую

древесину новых пластин, ломались в самых тонких, подточенных ржавчиной местах. Вспотев от напряжения, волшебник за десять минут приладил только пару чешуек гонта.

– Кто ты такой? – вдруг спросила Люсиль.

Кристоф замер с занесённым молотком.

– Твоя техника забивания гвоздей никуда не годится, – продолжала девушка. – Ты держись за ручку молотка ближе к головке, а надо ближе к концу – так лучше чувствуется инструмент. Проще целиться. Держи инструмент крепко, но легко, как ложку. Вначале колотить локтем следует, не кистью. А потом замах должен быть от плеча – тогда удар получится сильным, и вес молотка добавит этой силы. Ты колотишь так, будто раньше никогда этого не делал. Быть может, у вас там, на западе, другие кровли, и ты не знаком с гонтом и дранью – оттого так медлишь и держишься неуверенно. Ладно, на это можно закрыть глаза. Но ведь и гвозди ты прямить совершенно не умеешь. Значит, раньше никогда не чинил крыш. Так скажи мне, «кровельщик» Арчибальд: кто же ты такой на самом деле?

Чародей испытующе посмотрел на хозяйку гостиницы. Мисс Деверо взирала на лгуна серьёзно, но без страха или неприязни – скорее с интересом и любопытством. Быстро прокрутив в голове варианты, чародей решил, что это обстоятельство ещё можно использовать для того, чтобы вывернуться. И не просто вывернуться, а извлечь из этого выгоду.

– Окей, Люсиль, ты права, – ищейка примирительно поднял обе ладони вверх. – Не стоило мне врать. Тем более с самого начала. Тем более тебе. Да, я не совсем тот, за кого себя выдаю. Вернее, совсем не тот. Хотя... А, чёрт! Ты ведь заметила, что языком я умею работать лучше, чем руками?

Девушка кивнула. Чародей сделал вид, что собирается с духом, на самом деле тщательно подбирая слова и прикидывая, как бы убедительнее солгать.

– Так вот, Люсиль: я не кровельщик, – Кристоф нервно улыбнулся. – Я школяр, студент университета. Изучал юриспруденцию.

– Кого изучал?

– Юриспруденцию. Дело адвокатов и судей, если проще. Право – уголовное и гражданское, политологию и теорию демократии, юридическую психологию, криминологию. А ещё историю, экономику, философию, риторику, этику...

Мисс Деверо скорчила кислую физиономию:

– Звучит сложно. Стало быть, это изучают в университетах? И ты изучал?

– Изучал до тех пор, пока мне это не надоело.

– Надоело?

– Ну да. Отчим изрядно раскошелился в пользу университета, чтобы его пасынок ни в чём не нуждался. Оттого я по первости учился старательно. Природной любознательности, знаешь ли, было не занимать. Пока прочие жаки прогуливали лекции, твой постоялец протирали штаны в аудиториях и библиотеках, слушая лекции почтенных мэтров и штудирова научные труды. Я столько всего прочёл, столько узнал: о дальних странах, о великих личностях, о войнах и открытиях, о высоких заснеженных пиках, о бескрайних просторах океанов и о песках раскалённых пустынь. Это открыло мне глаза! Новые люди и земли, приключения, великие события – разве можно, узнав обо всём этом, усидеть на жёсткой скамье в душной аудитории?! С каждым днём меня неудержимо тянуло вперёд, исследовать мир. Скажи, неужели тебе не тесно в своей деревне? Я вот не мог больше оставаться на месте, это было невыносимо! Как можно пропускать мимо себя целую жизнь, со всеми её чудесами?!

Кристоф, увлечшись, болтал как по писаному. Глаза чародея блестели страстью, руки отчаянно жестикуют. Люсиль зачарованно слушала.

– В какой-то момент я решил: всё, с меня хватит! Надо бежать! Меня ждал целый мир, и я, подобно известным путешественникам, подобно Эрнесту Ливингстону или Маркусу «Северному Льву» Блейну, должен был сбросить путы опостылевших будней и отправиться туда, куда

меня звал ветер свободы. Решено! Я собрал необходимые вещи и готов был двинуться в любой момент. Но тут предо мной встала во весь рост проблема, знакомая всем энтузиастам-исследователям: карманы были пусты, – ищейка картинно развёл руками. – А что за путешествие без денег? И всё же я едва не ушёл так, как есть, хотя бы и пешком. Однако мне повезло: я обрёл спутницу, которая поняла и поддержала меня.

Сестра Люсиль подвинулась ближе к рассказчику. Разобранная кровля была забыта.

– Розмари!

– Именно. Представляешь, тихая лаборантка со старшего курса, дочь богатой и уважаемой семьи, тоже давно грезил о путешествиях, но одна сделать что-либо не решалась. А тут появился я, – враль задорно подмигнул. – У меня был план, у неё нашлись средства. Желания было вдосталь у обоих.

– И вы просто сбежали?

– Ну да. Никому ничего не сказав. Оставили только записку, чтоб родственники не сильно волновались, – Кристоф вздохнул. – У неё очень влиятельные родственники. Поэтому мы путешествуем инкогнито, под чужими именами. Розмари изредка использует банковский счёт и настоящую фамилию, чтобы пополнять запас наличности; но делать это приходится редко, чтоб её отец нас не выследил. Ну и, разумеется, тратить мы стараемся по минимуму, подрабатывая там, где возможно. Но какой же путешественник не сталкивался с трудностями?

Мисс Деверо молча колупала гонт. Кристоф уже начал было беспокоиться: что, если девушка не поверила его рассказам?

– И как мне вас теперь называть? – хозяйка трактира наконец нарушила молчание.

– Если я открою тебе настоящие имена, не разболтаешь?

– Я женщина, но не трепло, – с вызовом бросила Люсиль. Кристоф почувствовал, что заливается краской.

– Наклонись ближе.

Люсиль без тени смущения выполнила просьбу. Кристоф подался вперёд, приблизился почти вплотную. Так, что почти коснулся губами её щеки, покрытой светлым пушком. Уловил её запах, терпкий, но едва ощутимый аромат девичьего пота.

Маг почему-то подумал, что в этот раз не будет вреда, если он скажет правду.

– Энвер, – прошептал он на ушко Люсиль. – А меня – Кристоф.

Девушка отстранилась.

– Это имя тебе больше идёт. Так вы с ней пара?

– Что ты, нет! – поспешно ответил смущённый вопросом волшебник. – Мы просто хорошие друзья. Можно даже сказать, компаньоны.

Хозяйка трактира удовлетворённо кивнула, подобрала лежавший рядом молоток. Подбросила его в руке, точно прикидывая, сколько же он может весить. Чародей выжидал.

– Так! – тряхнула головой Люсиль. – Сейчас я стану чинить прореху сама. А ты, раз уж сюда залез, будешь сидеть рядом и рассказывать, в каких местах побывал и что видел. Да смотри рассказывай интересно – приключения не должны навевать скуку, а я не хочу зевать за работой. И ещё, – она погрозила постояльцу молотком. – Решу, что опять заливаешь – скину тебя с крыши, Ар... Кристоф. Так и знай!

Колдун слегка напрягся, но, заметив притаившуюся в уголках её губ озорную улыбку, внутренне перевёл дух.

«Ладно, уж приключений и путешествий на мою долю выпало порядочно. И выдумывать особо не придётся – только поменять кое-что».

– Идёт, – кивнул он.

– Тогда начинай, – сестра Люсиль потянулась за первой сменной пластинкой. – Но только правду. И интересно.

Сотрудник Агентства поиска магических аномалий, краснея в душе, принялся рассказывать. Хозяйка трактира забивала гвозди и комментировала. Они беседовали. Смеялись. Ветер гнал по небу серые облака. Дождя не было.

С крыши Кристоф спустился с таким ощущением, будто знал Люсиль много лет.

Они вошли в трапезную, улыбаясь друг другу. Настроение – что у ищейки, что у мисс Деверо – было одинаково прекрасным.

– «...вы все – коррумпированные бюрократы! Забыли свой гражданский долг! Сами крадёте тысячами, а на невинную девушку всех собак спустить готовы?! Я подам на вас жалобу в мировой суд!» А потом она убегает. А они просто стоят, представляешь? Эти простофили так опешили, что только и посмотрели ей вслед, раскрыв рты. Вот так Энвер удрала оттуда, не заплатив ни шиллинга, – закончил волшебник очередную историю.

– Вот бедолаги! – Люсиль смеялась от души. – Как только таких в начальники пускают?

– Потому и пускают, наверное, что наверху ещё большие тупицы сидят.

– Эта Энвер, оказывается, бойкая девица. А так сразу и не скажешь.

Кристоф гордо кивнул:

– Да, на вид она тихая и скромная. Но как заведётся – что дикая кошка становится. Кого хочешь на место поставит.

– Лихие вы ребята! – искренне восхитилась мисс Деверо. – Не трусили, собрались, сбежали. И вон сколько всего повидали – на целую жизнь хватит, а то и больше. Удивительно!

Маг и владелица «Четырёх холмов» подошли к лестнице. Девушка успела подняться на пару ступенек, но, обернувшись, заметила ящик с инструментами, который Кристоф всё ещё держал в руке. Сестра Люсиль остановилась.

– Совсем про него забыла. Надо вернуть на место. Послушай, Кристоф, я сейчас отнесу инструменты в сарай. Потом зайду на кухню, надо затопить плиту. Ты пока иди переодевайся. Если потерпишь полчаса, я тоже успею надеть платье, разогрею еду, и мы пообедаем. Хорошо?

– Давай я тебе помогу!

– Не нужно. Что я, маленький ящик не донесу, что ли?

– И всё же...

– Да перестань, что за пустяки! – смеясь, отмахнулась Люсиль. – Вот что: если уж совсем помочь приспичило,хвати из кухни вёдра с водой, отнеси их на второй этаж, в ванную комнату, и вылей в бак.

Агент поиска магических аномалий послушно затопал вслед за хозяйкой на кухню. Там действительно нашлись вёдра с водой – стояли почти сразу за дверью. «Довольно тяжёлые», – подумал он, рывком поднимая ёмкости. Вернувшись в обеденный зал, чародей поднялся по лестнице на гостевой этаж и выполнил несложную просьбу девушки. Получив от этого некоторое удовлетворение, Кристоф вернулся на лестницу, чтоб спуститься в трапезную и ждать возвращения Люсиль там.

И тут он услышал наверху скрип половиц.

Волшебник замер с занесённой над ступенью ногой. Скрип быстро прекратился, но в абсолютной тишине пустой гостиницы он прозвучал резко, как выстрел. И был слишком громким для бегающих меж перекрытиями мышей. Ищейка прислушался, стараясь не шевелиться и даже не дышать. Но звук больше не повторялся.

А ведь Люсиль была внизу.

Чародей медленно развернулся и, стараясь не шуметь, начал подниматься на третий этаж. Туда, куда гостям было ходить запрещено. Туда, откуда исходил звук. Умудрившись без единого шороха преодолеть пролёт старой лестницы, Кристоф оказался в апартаментах семьи Деверо. Осмотрелся. Комнаты, небогато, но со вкусом обставленные, выглядели жилыми; Люсиль как-то успевала содержать их в чистоте наряду с остальными помещениями трактира.

Пыль с горизонтальных поверхностей была тщательно стёрта. Вышитые салфетки аккуратно расстелились на журнальном столике и комод, на сиденьях резных деревянных стульев. На стенах висели акварельные пейзажи в рамках и фотографические портреты мужчин и женщин – вероятно, предков и родственников Люсиль. Напротив лестницы неторопливо стучали маятником часы с кукушкой (боя и, собственно, кукушки Кристоф ни разу не слышал – видимо, механизм был неисправен). Слева и справа располагались проёмы, ведущие вглубь жилых помещений семьи. Уютные, мирные, тихие комнаты. Кристоф подошёл к журнальному столику, потрогал стоявший здесь, в вазе, сухой букет полевых цветов – те ответили лёгким шелестом. Возле столика хозяйку ожидало плетёное кресло-качалка; на нём корешком вверх лежала раскрытая книга. Маг переместился к окну, отвёл тюлевую занавеску.

«Отсюда видно северный холм».

Кристоф вернулся к лестнице, решив, что звук ему померещился. Собираясь поскорее спуститься вниз, чтобы не расстроить обитательницу этих милых комнат, ищейка ещё раз осмотрел интерьер. И, заглянув в один из межкомнатных переходов, заметил приоткрытую дверь в конце короткого коридора. Судя по всему, она находилась как раз над комнатами сотрудников Агентства. Помешкав всего мгновение, чародей передумал спускаться и осторожно прокрался к той таинственной двери. И поразился: ему послышалось что-то вроде тихого пения. В предчувствии важного открытия Кристоф заглянул в комнату.

На полу сидел некто.

Маг не поверил своим глазам. В самом центре комнаты Люсиль (а в том, что это комната девушки, ищейка ни на секунду не засомневался), прямо на полу, спиной к входу, сидел, скорчившись, худощавый мужчина. Он был одет в длинную льняную рубаху и домотканые штаны. Несмотря на внешнюю простоту, облачение незнакомца было чистым, выглаженным и тщательно подогнанным по фигуре. Голову таинственного субъекта венчала буйная растрёпанная грива тёмных волос. Этот персонаж напевал себе под нос что-то неразборчивое, слегка раскачиваясь при этом вперёд-назад и периодически дёргая головой. Руки тоже двигались рывками, хаотично, пальцы путались в шерстяной нити, тянущейся от лежавшего рядом клубка. Вокруг были в беспорядке разбросаны швейные принадлежности: ножницы, пяльцы, куски тканей.

Чародей, затаив дыхание, попятился прочь от двери. Отойдя на несколько шагов, он бесшумно развернулся лицом к лестнице...

...и нос к носу столкнулся с Люсиль.

– Что ты здесь делаешь?!

Голос девушки дрожал от ярости.

– Люсиль, я...

Маг видел, как ходят под напором нахлынувших эмоций крылья её носа. Тонкие пальцы мисс Деверо, стиснутые в кулаки, успели побелеть.

– Что ты здесь забыл?! Отвечай!

– Люсиль, послушай...

– Я запретила сюда приходить! – она сорвалась на крик.

– Люсиль, я не хотел, – Кристоф протянул к ней ладонь неосознанным жестом. – Шёл к себе, услышал шум...

– Не трогай меня!!! – девушка с силой оттолкнула руку чародея. – Кто! Тебе! Дал! Право! Приходить! Сюда?!

– Люсиль, успокойся! – парень решительно шагнул к ней, ухватил её за плечи. Она рванулась раз, другой, но хватка была крепкой.

– Зачем ты сюда пришёл-ёл?!?! – продолжая вырываться, красная от ярости мисс Деверо ударила волшебника свободными руками в грудь, замолотила по ней кулаками. – Пусти-и-и!!! Заче-ем?!! Заче-ем ты сюда-а-а?!.

Тогда Кристоф сделал то единственно возможное, что ему оставалось: он притянул девушку к себе и крепко-крепко обнял. Изю всех сил. Она забилась, из глаз её брызнули слёзы.

– Заце-е-ем?! На заце-ем ты сюда-а прищё-ёл?!?! Кто-о тебя проси-и-и-ил?!?!

Трепыхания Люсиль мало-помалу слабели, вопли превратились в рыдания. Её руки ещё несколько раз – по инерции и совсем не сильно – стукнули мага по плечам, после чего на них и остались. И парень понял, что держит в объятиях хрупкую, измученную суровой судьбой, беззащитную, совсем молоденькую девушку. Девушку, которая просто плачет, прижавшись к его груди. Плачет, потому что обычно не может, не имеет права себе этого позволить. Потому что не к кому прижаться. Нет того, кто был бы рядом, излучал бы силу, вселял уверенность, внушал надежду. Защищал. Любил.

Потому что никого больше не осталось.

Кристоф почувствовал на своём затылке чей-то взгляд. Осторожно, стараясь не потревожить девушку, он повернулся, посмотрел за спину. В коридоре стоял тот самый незнакомец, что минуту назад спутывал шерстяную нить. Стоял, сутулясь, нервно дёргая плечами и головой, и смотрел будто бы на мага и девушку, но в то же время как бы сквозь них. Ищейка уже видел раньше такой взгляд. Взгляд человека, повредившегося умом.

А незнакомец просто стоял и смотрел. Он был очень похож на Люсиль. Ну просто одно лицо.

– Люсиль, – Кристоф ласково погладил всхлипывавшую девушку по голове. – Я знаю, почему тебя прозвали Сестрой. Это ведь твой брат, верно?

Потом, сидя в пустой столовой, они беседовали. Колдун по большей части слушал. Девушка говорила, долго и грустно. Печально вздыхала. Он держал её за руку.

Она рассказала о своём старшем брате, Адаме. Он рос высоким, статным юношей. Обладая житейской находчивостью, смекалкой и живым умом, обещал быть крепкой, надёжной опорой родителям в старости. Но случилось несчастье: несколько лет назад, во время грозы, Адама ударило молнией. Люсиль нашла его бездыханное тело в поле, неподалёку от вершины Восточного холма. Родители были безутешны. Три дня они вместе с дочерью, убитые горем, сидели у гроба, в котором лежал их сын, надеясь, что парень встанет как ни в чём не бывало, живой и здоровый. За эти три дня сердобольные соседи организовали заупокойную службу, где полагалось отпеть усопшего перед похоронами. На кладбище за деревней вырыли могилу. Даже местный каменщик в рекордный срок сладил надгробие. Всё это время Адам лежал, тих и недвижим, однако следы румянца на его щеках не желали сходить совсем, а первые признаки разложения никак себя не проявляли. Тогда кто-то догадался послать в город за настоящим магом-лекарем. На оплату услуг чародея не поскупились. Хилер, явившись в деревню и осмотрев тело, заявил: Адам вовсе не умер, а впал в глубокую кому, так как функции его организма после удара молнии находились в жестоком угнетении. Но он был жив – и родственники чуть с ума не сошли от счастья. Пока округа оправлялась от шока, маг продолжил исследования и пришёл к выводу, что вытащить больного из комы силами современной колдовской медицины нет никаких шансов. И путь родители не обольщаются: мол, были случаи, когда пациенты приходили в себя спустя неделю, а иногда, случалось, так и лежали без сознания до конца дней своих. Либо пока родственникам не надоедало тратиться на дорогостоящее поддержание жизни в брэнном теле. «Пустыми иллюзиями рано или поздно становишься сыт по горло», – добавил тогда волшебник, оставил необходимые инструменты, медикаменты, объяснил, как ухаживать за «больным», и уехал. Но семья решила не опускать руки. Миссис Деверо и юная Люсиль поочерёдно дежурили у постели мальчика, старательно оберегая его покой, целый год. А потом Адам вдруг очнулся.

Люсиль покачала головой. «Мой любимый братик проснулся. Но он уже не был нашим Адамом», – горько произнесла она. Вызванный целитель огласил новый, страшный приговор:

мозг парня, серьёзно пострадавший от электрического разряда, испытал вдобавок разрушительное воздействие длительной комы, и деструктивные изменения, скорее всего, необратимы. Разум Адама помутился, сознание исказилось, исковеркалось и уже никогда не станет прежним. И надежд на рецессию практически нет.

«Родители тогда разом постарели лет на десять», – сказала Люсиль. Да и она уже не была маленькой девочкой. Детство кончилось. Тогда многие, сочувствуя семье, советовали отдать душевнобольного в большой город, в больницу-интернат для умалишённых. Там ему обеспечили бы квалифицированный уход, и родители вздохнули бы свободней. Но мистера и миссис Деверо такие советы глубоко оскорбляли и возмущали. Поэтому – как, наверное, поступили бы любые другие любящие родители – они оставили сына дома, продолжая ухаживать за ним и не теряя надежды.

Но беды не оставили семью в покое. Спустя год несчастный случай унёс жизнь мистера Деверо: тот возвращался из города и был застигнут врасплох налетевшим торнадо, буквально в двух шагах от деревни. Эта трагедия подкосила здоровье миссис Деверо, и без того неважное. Однажды заболев и по причине загруженности работой не долечившись, она получила воспаление лёгких и угасла за несколько недель. На руках у дочери. «Наверное, мама просто устала и больше не хотела жить», – вздохнула Люсиль. Кристоф вновь был до глубины души потрясён тем, что в словах девушки не прозвучало ни капли осуждения в адрес матери – за то, что та оставила несовершеннолетнюю дочь наедине с недееспособным братом. Ни намёка на укор – только печаль, тоска, любовь и безграничная нежность. И понимание. Как бы то ни было, Люсиль стала единственной владелицей семейного дела – трактира «Четыре холма». Закалённая жизнью, посуровевшая, рано ставшая взрослой, она в одиночку справлялась и с содержанием гостиницы, и с уходом за братом. Одно время к ней подбивали клинья желающие завладеть лакомым бизнесом – всех ждал решительный отказ. Чужой помощи девушка тоже не принимала, не желала впускать кого-либо в своё личное горе. В конце концов она стала угрюмой, нелюдимой, всё свободное время (коего было не очень много) проводя с братом, единственным родным существом на свете. Окружала его одного всей своей любовью, отчаянно ищущей выхода. А брат, хоть и остался слабоумным, будто бы всё понимал. Он ничем не мог помочь сестре – но всегда был рад её объятиям, радовался вместе с ней, когда она улыбалась, и грустил, когда её посещала печаль. И этим он дарил ей утешение.

В округе стали считать, что над семьёй висит проклятие, и поток женихов иссяк. Все молчаливо ждали, когда же наконец падёт под ударами рока последняя из Деверо. О слабоумном Адаме, тихо существующем за прочными стенами «Четырёх холмов», потихоньку стали забывать. Прекратились разговоры о нём, судачить на эту тему стало дурным тоном и плохим предзнаменованием. Осталось только прозвище-приставка, накрепко прицепившееся к отважной и стойкой девушке: Сестра. Сестра Люсиль.

– Ну вот, теперь ты знаешь мою историю, – закончила Люсиль, глядя куда-то в сторону. Кристоф молчал.

– Адам и «Четыре холма» – это всё, что у меня осталось, – тихо добавила девушка. – Я не могу потерять трактир: если это случится, у меня не будет средств содержать брата, и его либо отнимут у меня, либо он погибнет. Если дожди продолжатся, не будет клиентов и постояльцев. У жителей деревни не станет денег, чтоб оплачивать мою кухню. А небо что-то не планирует образумиться... Я не знаю, что мне делать, Кристоф, – мисс Деверо посмотрела на своего собеседника. Взгляд выражал предельную усталость. – Я не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.